

НОВЫЕ СОБЫТИЯ И СТАРЫЕ ВОПРОСЫ.

Повидимому, непродолжительное затишье, которое отличало последние полгода или три четверти года нашего революционного движения, — по сравнению с предшествующим быстрым и бурным развитием его, — начинает приходить к концу. Как ни кратко было это «затишье», как ни очевидно было для всякого внимательного и сведущего наблюдателя, что отсутствие (на такое небольшое время) открытых проявлений массового возмущения рабочих не означает нисколько прекращения роста этого возмущения и вглубь и вширь, тем не менее среди нашей интеллигенции, настроенной революционно, но не имеющей зачастую ни прочной связи с рабочим классом, ни крепких устоев определенных социалистических убеждений, стали раздаваться многочисленные голоса уныния и неверия в массовое рабочее движение, с одной стороны, а с другой — голоса в пользу повторения старой тактики отдельных политических убийств, как необходимого и обязательного в настоящее время приема политической борьбы. За те несколько месяцев, которые прошли со времени демонстраций прошлого года, у нас успела уже образоваться «партия» «социал-революционеров», громко заговорившая об обескураживающем впечатлении демонстраций, о том, что «народ, увы, еще не скоро», что о вооружении масс легко, конечно, говорить и писать, а теперь надо взяться за «индивидуальный отпор», не отговариваясь от настоятельной необходимости единоличного террора избитыми ссылками все на ту же, одну и ту же (скучную и «неинтересную» для интеллигента, свободного от «догматической» веры в рабочее движение!) задачу агитации среди масс пролетариата и организации массового нажима.

Но вот вспыхивает в Ростове-на-Дону одна из самых обыкновенных и «будничных», на первый взгляд, стачек и приводит к событиям, которые показывают воочию всю нелепость и весь вред предпринятой соц.-революционерами попытки реставрировать народолюбивость со всеми его теоретическими и тактическими ошибками. Охватив многие тысячи рабочих, стачка, начатая из-за требований чисто-экономического характера, быстро вырастает в политическое событие, несмотря на крайне недостаточное участие в ней организованных революционных сил. Толпы народа, доходившие, по свидетельству некоторых участников, до 20 — 30 тыс. чел., устраивают поразительные своей серьезностью и организованностью политические собрания, на которых читаются и комментируются с жадностью соц.-демократические прокламации, говорятся политические речи, разъясняются самым случайным и неподготовленным представителям трудящегося

народа азбучные истины социализма и политической борьбы, преподаются практические и «предметные» уроки обращения с солдатами и обращения к солдатам. Администрация и полиция теряют голову (может-быть, отчасти, вследствие ненадежности войска?) и оказываются не в силах помешать устройству в течение нескольких дней невиданных на Руси массовых политических сходок под открытым небом. И когда, наконец, пускается в ход военная сила, толпа оказывает ей отчаянный отпор, и убийство товарища служит поводом для политической демонстрации на другой день над его трупом... Впрочем, соц.-рев. дело представляется, вероятно, в ином свете, и, с их точки зрения, было бы, должно-быть, «целесообразнее», если бы шестеро убитых в Ростове товарищей отдали свою жизнь на покушения против тех или иных политических извергов?

Мы же думаем, что только такие массовые движения, связанные с наглядно выступающим перед всеми ростом политического сознания и революционной активности рабочего класса заслуживают названия действительно революционных актов и способны внушить действительное ободрение тем, кто борется за русскую революцию. Мы видим тут не пресловутый «индивидуальный отпор», связь которого с массами состоит только в словесных заявлениях, в напечатанных приговорах и т. п. Мы видим действительный отпор толпы, и неорганизованность, неподготовленность, стихийность этого отпора напоминает нам, как неумно преувеличивать свои революционные силы, как преступно пренебрегать задачей внесения вот в эту, настоящим образом борющуюся у нас на глазах, толпу большей и большей организованности и подготовленности. Не создавать посредством выстрелов поводы для возбуждения, материал для агитации и для политического мышления, а научиться обрабатывать, использовать, брать в свои руки тот материал, которого слишком достаточно дает русская жизнь, — вот задача, единственно достойная революционера. Соц.-рев. не могут нахвалиться тем, как велико «агитирующее» действие политических убийств, о которых шушукают так много и в либеральных гостиных и в простонародных кабаках. Для них ничего не стоит (благо, они свободны от всяких узких догм сколько-нибудь определенной социалистической теории!) заменить (или хотя бы даже дополнить) политическое воспитание пролетариата произведением политической сенсации. Мы же считаем способными иметь действительно и серьезно «агитирующее» (возбуждающее), и не только возбуждающее, но и (это гораздо более важно) воспитывающее действие только события, в которых действующим лицом является сама масса, которые порождаются ее настроением, а не инсценируются «с специальной целью» той или иной организацией. Мы думаем, что целой сотне царевубийств не

произвести никогда такого возбуждающего и воспитывающего действия, как это одно участие десятков тысяч рабочего народа в собраниях, обсуждающих их насущные интересы и связь политики с этими интересами; как это участие в борьбе, действительно поднимает новые и новые «непочатые» слои пролетариата к более сознательной жизни, к более широкой революционной борьбе. Нам говорят о дезорганизации правительства (вынужденного сменять господ Сипягинных господами Плеве и «подбирать» себе на службу самых гнусных проходимцев), а мы убеждены, что отдавать одного революционера хотя бы за десять проходимцев значит дезорганизовывать только свои собственные ряды, которые и без того редки, так редки, что не поспевают за всей работой, «спрашиваемой» от них рабочими. Мы думаем, что настоящей дезорганизацией правительства являются такие и только такие случаи, когда действительно организуемые самой борьбой широкие массы заставляют правительство растеряться, когда законность требований передовых людей рабочего класса выясняется уличной толпой и начинает даже выясняться части войска, призываемого для «усмирения», когда военным действиям против десятков тысяч народа предшествует колебание властей, не имеющих никакой реальной возможности определить, до чего доведут эти военные действия, когда в убитых на поле гражданской войны толпа видит и чувствует своих товарищей, своих сочленов и накапливает в себе новый запас ненависти и желание более решительной схватки с врагом. И не отдельный проходимец, а весь современный строй выступает уже здесь врагом народа, против которого ополчаются местные и петербургские власти, полиция, казаки и войско, не говоря о жандармах и судах, дополняющих и завершающих, как всегда, всякие народные восстания.

Да, восстания. Как ни далеко было от «настоящего» восстания начало этого, повидимому, стачечного движе-

ния в далеком провинциальном городе, а его продолжение и его финал невольно наводят на мысль именно о восстании. Обыденность повода к стачке, мелкий характер выставленных рабочими требований особенно сильно оттеняют и могучую силу солидарности пролетариата, увидевшего сразу, что борьба железнодорожных рабочих есть его общее дело, и восприимчивость его к политическим идеям, к политической проповеди, и готовность отстаивать грудью в прямом сражении с войсками те права на свободную жизнь, свободное развитие, которые успели уже стать общим и элементарным достоянием всех мыслящих рабочих. И тысячу раз прав был Донской Комитет, который в прокламации, целиком воспроизведенной нами ниже, говорил «всем гражданам» о ростовской стачке, как об одном из приступов к общему подвигу русских рабочих с требованием политической свободы. На событиях такого рода мы действительно наблюдаем воочию, как всенародное вооруженное восстание против самодержавного правительства созревает не только как идея в умах и программах революционеров, но также и как неизбежный практически-естественный, следующий шаг самого движения, как результат растущего возмущения, растущего опыта, растущей смелости масс, получающих такие ценные уроки, такое великолепное воспитание от русской действительности.

Неизбежный и естественный шаг, сказал я — и спешу оговориться: если только мы не позволим себе ни на шаг уклониться от надвигающейся на нас, нависшей над нами задачи помочь этим поднимающимся уже массам подняться смелей и дружнее, дать им не двух, а десятки уличных ораторов и руководителей, создать настоящую боевую организацию, способную направлять массы, а не так называемую «боевую организацию», которая направляет (если направляет) неуловимых личностей. Трудна эта задача, что и говорить, но мы с полным правом можем видоизменить так часто и так не-

НИЖЕГОРОДСКИЕ РАБОЧИЕ НА СУДЕ!

Перепечатаваем речи нижегородских рабочих с литографированного листка, изданного Нижегородским Комитетом Российской Соц.-Демократической Рабочей Партии. Прибавлять что-либо к этим речам значит лишь ослаблять впечатление, производимое этим бесхитростным рассказом о бедствиях рабочих и о росте среди них возмущения и готовности к борьбе. Наш долг теперь — приложить все усилия, чтобы эти речи были прочтены десятками тысяч русских рабочих. Пример Заломова, Быкова, Самылина, Михайлова и их товарищей, геройски поддержавших на суде боевой клич: «Долой самодержавие!», воодушевит весь рабочий класс России для такой же героической, решительной борьбы за свободу всего народа, за свободу неуклонного рабочего движения к светому социалистическому будущему.

РЕЧИ ОБВИНЯЕМЫХ ЗА УЧАСТИЕ В ДЕМОНСТРАЦИЯХ 1 и 5 МАЯ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ ПЕРЕД СУДОМ МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ 28 — 31 ОКТ. 1902 ГОДА.

Речь сормовского рабочего Заломова.

Я сознательно примкнул к демонстрантам, но виновным себя не признаю, потому что считал себя в праве участвовать в демонстрации, посредством которой был выражен протест против тех законов, которые, защищая интересы привилегированного класса богачей, не дают рабочим возможности улучшить условия своей жизни. А условия эти настолько ненормальны, что рабочие принуждены во что бы то ни стало бороться с препятствиями, стоящими на их пути, хотя бы эта борьба и была сопряжена с потерей свободы и даже жизни. Я с раннего детства чувствовал непосильную тяжесть, взваленную на трудящийся класс. Благодаря преждевременной смерти отца, потратившего все свои силы на непосильную работу, нашему семейству пришлось вести полуголодное существование. Впоследствии я сам стал рабочим, сам стал затрачивать свои силы и здоровье, содействуя этим

удачно приводившиеся в последнее время слова Маркса и сказать: «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины» индивидуальных покушений и отпоров, важнее сотни только-интеллигентских организаций и «партий».

На-ряду с ростовской битвой выдвигаются на первый план из политических фактов последнего времени каторжные приговоры над демонстрантами. Правительство решило запугивать всячески, начиная от розги и кончая каторгой. И какой замечательный ответ дали ему рабочие, речи которых на суде мы приводим ниже, — как поучителен этот ответ для всех тех, кто особенно шумел по поводу обескураживающего действия демонстраций не в целях поощрения к дальнейшей работе на том же пути, а в целях проповеди пресловутого индивидуального отпора! Эти речи — превосходный, от самих глубин пролетариата исходящий комментарий к событиям вроде ростовских и вместе с тем замечательное заявление («публичное оказательство» — сказал бы я, если бы это не был специфический полицейский термин), вносящее бездну бодрости в длинную и трудную работу над «действительными» шагами движения. Замечательно в этих речах простое, доподлинно-точное изображение того, как совершается переход от самых повседневных, десятками и сотнями миллионов повторяющихся фактов «угнетения, нищеты, рабства, унижения, эксплуатации» рабочих в современном обществе к пробуждению их сознания, к росту их «возмущения», к революционному проявлению этого возмущения (я поставил в кавычки те выражения, которые мне пришлось употребить для характеристики речей нижегородских рабочих, ибо это — те самые знаменитые слова Маркса из последних страниц первого тома «Капитала», которые вызвали со стороны «критиков», оппортунистов, ревизионистов и т. п. столько шумных и неудачных попыток опровержения и изобличения соц.-дем. в том, что они говорят неправду).

Именно потому, что говорили эти речи простые рабочие, вовсе не передовые по степени их развития, говорили даже не в качестве членов какой-либо организации, а в качестве людей толпы; именно потому, что напирали они не на их личные убеждения, а на факты из жизни каждого пролетария или полупролетария в России, — такое ободряющее впечатление производят их выводы: «Вот почему мы сознательно шли на демонстрацию против самодержавного правительства». Обыденность и «массовидность» тех фактов, из которых они делали этот вывод, ручается за то, что к этому выводу могут притти и неизбежно придут тысячи, десятки и сотни тысяч, если мы сумеем продолжить, расширить и укрепить систематическое, принципиально-выдержанное и всесторонне-революционное (социал-демократическое) воздействие на них. Мы готовы идти на каторгу за борьбу против политического и экономического рабства, раз мы почувствовали дуновение свободы, — говорили четверо нижегородских рабочих. Мы готовы идти на смерть, — как бы вторили им тысячи в Ростове, отвоевывая себе на несколько дней свободу политических сходов, отбивая целый ряд военных атак на безоружную толпу.

Сим победиши — остается нам сказать по адресу тех, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

[Н. Ленин]

ЗАКОННАЯ ОППОЗИЦИЯ БЕЗЗАКОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Иностранные газеты сообщают, что фон-Плеве надоели широкие благопожелания уездных сельско-хозяйственных комитетов, и он предложил губернаторам обуздать зарвавшуюся земскую мысль и не позволять губернским комитетам выходить за пределы... сравнительной

накоплению богатств в руках немногих людей. Я видел, что и членам моего семейства, если бы я пожелал иметь таковое, грозит та же участь, что и мне. Отсутствие всякого света и понимания действительности, осуждающее рабочих на вечное рабство, невозможность для рабочих не только жить, но и мечтать о культурной жизни, — весь этот заколдованный круг, из которого я не видел выхода, приводил меня в отчаяние. Бессмысленность подобной жизни заставляла меня страстно мечтать о самоубийстве, как об единственно возможном выходе из невозможного положения. Но знакомство с историей других народов, трудящиеся классы которых, благодаря неустанной борьбе, выбились из положения, одинакового с нашим, привело меня к мысли, что такая борьба возможна и у нас. Возможность хотя бы в отдаленном будущем поднять экономический и нравственный уровень трудящейся темной массы дала мне богатый запас жизненных сил. Я видел, что тяжела будет борьба для рабочих, трудно бороться с беспросветным мраком невежества, в котором насильственно держат рабочих и крестьян, что много, много будет жертв с нашей стороны. Но какой человек, у которого не вставлен в грудь камень вместо сердца, которого не удовлетворяет чисто животная жизнь, за дело своего народа не отдаст сво-

боды, жизни и личного счастья? Из личного опыта, вынесенного за 10 лет жизни по заводам, я пришел к заключению, что рабочий единичными усилиями не в состоянии добиться нормальных условий жизни, эксплуатация принуждает его довольствоваться положением выючного животного. Многие думают, что, благодаря задельным работам, рабочие имеют возможность при старании заработать больше. Действительно, рабочий может усиленно работать, но это ведет лишь к преждевременному истощению сил, потому что невозможно до бесконечности усиливать напряженность труда, а удерживать на известной высоте заработок возможно только при этом условии, так как больший заработок, вызванный усиленным трудом, ведет к сбавке расценков, сбавлять же расценки никогда не устанут. Дело сводится к тому, что рабочие, благодаря задельной плате и сбавкам расценков, лишаются последнего отдыха, будучи принуждены работать по ночам и по праздникам, сверх обычной дневной работы, не имея в то же время возможности при самом непосильном труде заработать средства, необходимые хотя бы для сносной жизни. Точно так же не может рабочий единичными усилиями поднять уровень расценков и заработка до высоты, необходимой для удовлетворения настоятельных потребностей. А потреб-

оценки методов удобрения. В таком «цыц!», брошенном с высот министерского трона, нет ничего неожиданного. Предполагалось, что комитеты оправдают «драгоценное доверие, им с высоты престола оказанное». Комитеты не «оправдали». Им предложено замолчать. Все последовательно.

В сущности, с первых же заседаний уездных комитетов стало ясно, что, вместо «оправдания доверия», произойдет суд земств над политикой бюрократического абсолютизма. Но — такова одна из ненормальностей нашей политической жизни — подсудимый оказался в роли председателя, который в праве закрыть заседание суда в любой момент. Конечно, подсудимый воспользовался своим правом.

Крайне поучительно отношение к комитетам тех газет, которые отражают «взгляды», излучающиеся из министерских канцелярий. «Гражданин» объявил комитеты «очагами оппозиционной болтовни». «Моск. Вед.»², с годами не теряющие остроты взора, нашли среди комитетов лишь немногих праведников, которые не вверглись в «дебри самохвальства и либеральничанья». Но комитеты нашли влиятельного покровителя в лице старой гетеры русской журналистики, А. С. Суворина³. Правда, и «Новое Время» признало, что большинство комитетов можно упрекнуть в «некоторой горячности охватить слишком широко каждый вопрос». Но — оппозиция? — недоуменно спрашивает почтенная рептилия, — где? и кому? Просто «местные деятели работают потому, что им это поручено». А оппозицию им делать не поручено, значит, о ней не может быть и речи. Конечно, не обходилось без «болтовни». Были и бестактности, вроде «недовольства порядками, указанными Особым Совещ.». Было и либеральничанье и самохвальство. Но «в громадном большинстве случаев на болтовню таких деятелей никто не обращает внимания». «С какой замечательной деликатностью и с каким политическим так-

том, — умиляется газета, — обсуждались, напр., вопросы в предварительном совещании председателей земских управ Моск. губ. Все, что могло подать лишь малейший повод к упреку, что земцы чего-либо домогаются от Особ. Совещ., тотчас было исключено из резолюции» (курсив наш). Деликатные, почтительные, милые земцы! Добрая, снисходительная рептилия!

Точка зрения «Нов. Вр.», берущего под свою опеку земцев, угнетаемых Мещерским и Грингмутом, может быть формулирована так: Не беда, господа, что либеральный земец поиграет, это он от избытка преданности. Если он при этом слегка созорует, то и это «по поручению». Надо же застоявшемуся земцу дать время от времени политический моцион. Опасаться нечего: ведь все мы прекрасно знаем, что поступков отсюда никаких не произойдет.

Мы не утрируем. В № 9.560 черным по белому напечатано: «Чем больше шансов, что так или иначе работа будет оставлена без внимания петербургскими канцеляриями, тем более чести труженикам, которые не страшатся подобной перспективы, а делают свое дело». И ту же мысль, с восхитительной наивностью, переходящей в самодовольную наглость, высказывает значительная часть нашей провинциальной либеральной прессы.

Таким образом, предполагается, что сами земцы знают заранее о полной практической безрезультатности их дебатов и резолюций, но, «не страшась подобных перспектив», с достоинством упражняются в самодовлеющей гражданской гимнастике. Так ли это, милостивые государи?

Мы хотели бы, мы страстно хотели бы думать, что это не так. Мы хотели бы верить, что они, эти «милостивые государи» земской оппозиции, не позволят себя убаюкивать тем изболтавшимся либеральным публицистам легальной прессы, которые награждают их аттестатами гражданской зрелости в утешение за их бессилие... Мы

ности эти все увеличиваются, так как просвещение, хотя и медленно, но все же проникает в народные массы. Рабочие всеми силами стараются дать своим детям образование. Народные библиотеки могут доказать, насколько сильна жажда знаний среди рабочих. Во многих библиотеках, несмотря на то, что большинство полезных книг запрещено, число подписчиков превышает число книг. Рабочих не удовлетворяют грязные, засаленные тряпки, заменяющие им одежду. Насколько сильно у рабочих желание прилично одеваться, видно из того, что многие отказывают себе даже в пище ради приличного платья. Разумеется, не ради своего удовольствия рабочие ютятся и в каморках, не удовлетворяющих самым примитивным требованиям гигиены. Понимают также рабочие, что питательная пища и более продолжительный отдых лучше восстанавливают затраченные на тяжелый труд силы. Вообще рабочие нуждаются в культурных условиях жизни, и не видеть этого могут только люди, нарочно закрывающие глаза. Несоответствие условий, в которых приходится жить рабочим, с запросами, предъявляемыми к жизни, заставляет их сильно страдать и искать выхода из ненормального положения, в котором они находятся благодаря несовершенству существующего порядка. На гуманность предпринимателей рассчитывать нельзя, так

как они, признавая сами себя людьми, на рабочего смотрят не как на человека, а как на орудие, необходимое для личного обогащения, и чем короче срок, в который можно выжать все соки из рабочего, тем для них выгоднее. Для более успешной эксплуатации труда рабочих предприниматели соединяются в акционерные общества. Для того, чтобы удержать на желательной высоте цены на продукты, производимые трудом рабочих, но принадлежащие предпринимателям, образуются союзы и синдикаты, напр. союзы сахарозаводчиков и нефтепромышленников. Для этой же цели предприниматели добиваются и запретительных пошлин на ввозимые в Россию более доброкачественные и дешевле иностранные товары. Отдельный рабочий, защищаясь от эксплуатации, не может оказать предпринимателям большего сопротивления, чем кусок свинца давлению гидравлического пресса. Отдельный рабочий не может не соглашаться на условия труда, предлагаемые предпринимателем, так как без работы он существовать не может. И даже соединенными силами, при отсутствии благоприятных условий, рабочие не могут противостоять предпринимателю, которому от временной приостановки производства не грозит голод, как рабочим. Рабочие не могут добиться участия в прибылях, получаемых от их труда, не соединившись все вместе

хотели бы надеяться, что они сумеют потребовать у «петербургских канцелярий» внимания и уважения к своему оппозиционному голосу.

В уездных комитетах они старались сжаться в комок, они наряжали свои нелойальные желания в мундир полицейской легальности, они придавали своим конституционным требованиям абстрактную до бессодержательности форму, — и они достигли того, что «Нов. Время» не замечает в их «оппозиционных» резолюциях ничего, кроме похвальной вернопреданности. Что, если фон-Плеве и г. Витте тоже «не заметят» их замаскированной оппозиции? Найдут ли они в себе — они должны найти — достаточно решимости, чтобы членораздельной политической речью объявить агентам самодержавия, «какого они духа суть»?

Какой тактики они намерены держаться в губернских комитетах? Будут ли они покорно итти на вожжах у гг. губернаторов? Проснутся — не в первый и не в последний раз — с «бессмысленными мечтаниями» и примутся за трезвенную оценку удобительных материалов? Вновь оправдают «доверие, с высоты престола оказанное», и заодно уж докажут, что заслужили те покровительственные подзатыльники, которыми поощрил их маститый сутенер «внутренней и внешней политики»?

Или они, наконец, почувствуют себя в первый раз гражданами, а не школьниками? Решатся внести на обсуждение губернских комитетов и земских собраний точно сформулированную политическую программу? Сумеют открыть заседания после того, как губернаторы их закроют, и под председательством ими избранных, а не им навязанных лиц, не убоятся оправдать доверие, им с высоты истории оказанное?

Можно было бы ответить утвердительно, если бы мужественное политическое поведение уездного воронежского комитета не оставалось пока беспримерным и если бы «Освобождение», рабски старательно отра-

жающее господствующий тон земской среды, не ставило тактику оппозиции в зависимости от столкновений фон-Плеве с г. Витте, претендующим, по земской характеристике, на амплуа русского Неккера⁴ (см. № 10).

Можно с уверенностью сказать, что, если бы русская свобода должна была родиться от оппозиционного земства, она никогда бы не увидела света. Но к счастью, у нее есть более надежные «предки»: во-первых, это революционный пролетариат, во-вторых, это внутренняя, пожирающая себя логика русского абсолютизма.

* * *

Кто выиграл от «прискорбных явлений нашей жизни»? — спрашивает некий публицист. И мужественно отвечает: «Увы! выиграл один только мнимый друг русского самодержавия, русского народа и русской свободы — централизующий бюрократизм, который рос, под всеми предложениями, пропорционально ослаблению правильной и нормальной общественной жизни, под предлогом противодействия эксцессам либерализма, под предлогом умаления общественной и личной инициативы (хорош «предлог»!), под предлогом экономических кризисов, рос и все шире захватывал в свои сети все свободные функции народной жизни».

Это не из заграничных брошюр г. Шарапова⁵. Это не из последних речей г. Стаховича. Это и не со слов конституционалистов «Освобождения». Нет и нет! Это редактор «Гражданина», конкурент мага Филиппа, неутомимый князь Точка, бескорыстный (казенные объявления не в счет) страж государственных заветов Семибоярщины, взалкал свободы...

Скоро, читатель, настанет день на святой Руси. Ибо что же будет завтра, если уж сегодня сам князь Мещерский, старый петух реакционной полуночи, начинает

в один братский союз. Но и этого единственного выхода они лишены, так как закон, разрешая предпринимателям эксплуатировать рабочих, запрещает последним защищаться от эксплуатации, преследуя союзы и стачки. Чтобы добиться более культурных условий жизни, рабочим необходимо иметь право устраивать стачки против предпринимателей, иметь право организовать союзы, иметь право свободно печатать и говорить на сходках о своих нуждах и, наконец, через своих выборных принимать участие в законодательстве, так как всякая победа рабочих над предпринимателями может быть прочной лишь после ее узаконения. В силу всех изложенных причин, считая рабочих вправе добиваться за свой труд лучших условий жизни, я сознательно примкнул к демонстрантам. Узнав о предполагаемой демонстрации, я решил принять в ней участие и сделал знамена с надписями: «Да здравствует социал-демократия!» на одном, «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!» на другом и «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!» на третьем. Знамена, с которыми я пошел на демонстрацию, оказались очень кстати, так как у демонстрантов таковых не имелось, и они выражали свой протест лишь криками: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» и пением революционных

песен. Я знал, что за участие в демонстрации грозит каторга. Наказание страшное, в моих глазах хуже смерти, так как человеческая личность там совершенно уничтожается и бесчеловечно унижается на каждом шагу. Но надежда на то, что, жертвуя собой, принесешь хоть микроскопическую пользу своим братьям, дает полнейшее удовлетворение за все страдания, которые пришлось и придется перенести. Личное несчастье, как капля в море, тонет в великом горе народном, за желание помочь которому можно отдать всю душу. Мелкими протестами рабочих до сих пор не удалось добиться чего-нибудь существенного, начальство и общество сквозь пальцы смотрит на злоупотребления и на явное нарушение законов со стороны предпринимателей. След., требуется что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы привлечь внимание общества на ненормальное положение рабочих и на игнорирование их интересов правительством. Рабочие, создавая богатство и защищая своей грудью общество от внешних врагов, все свои силы отдают государству, но им не дано никаких прав, так что всякий, обладающий капиталом и покладистой совестью, может обратить человека, не имеющего возможности жить без работы, в рабство. Я видел, что существующий порядок выгоден лишь для меньшинства, для господ-

сбиваться и испускать чуть ли не «конституционалистские» ноты!

А ведь только вчера «Гражданин» грозил охранительным перстом сельско-хозяйственным комитетам, этим очагам «оппозиционной болтовни»! Только вчера князю Мещерскому являлся в кошмарно-патриотическом сне призрак «образованного либерального купца», опошляющего вопросы русской государственности. А сегодня...

Что случилось, князь? Публицистический lapsus (описка)? Резиньяция (покорность) перед духом времени? Отошли ли казенные объявления?

Или же и ты, старая крыса, заметила непоправимую течь в корабле русского самодержавия? Если так — торопись, торопись, ибо завтра, пожалуй, будет уж поздно...

Но мало того, что редактор «Гражданина» сам становится на защиту «свободы» против бюрократического централизма, — он и Александра III превращает в тайного воздыхателя по свободе. Оказывается, что «великий Гатчинский Отшельник» — да будет ему тяжела земля! — только и мечтал об освобождении России «от гнета бюрократизма и централизации». Вот где иногда скрываются политические единомышленники!

«Благодаря мнимым союзникам самодержавия, — думал тайный коронованный конституционалист, — бюрократии и централизации, их всезахватывающая волна снизу все возносит вверх, в зародыше туша всякую свободу на месте: не лучше ли тихой волне идти сверху книзу и приносить свободу для каждой плодотворной мысли, для каждого жизненного труда?».

В самом деле, — не лучше ли абсолютизм, сочетавшийся со свободой морганатическим браком? Нагайка, завернутая в пергамент «Великой Хартии Вольностей»? ⁶

Что значит «свобода» на публицистическом жаргоне князя Мещерского, мы разбирать не станем. Может-быть, это паточная славянофильская «свобода» от всяких «бумажных», т. е. правовых гарантий, роль которых выпол-

няет благожелательная деспотическая воля, «тихою волною» изливающаяся «сверху книзу»? Другими словами, может-быть, это просто свобода... от политической свободы? Вопрос темный. Ясно одно: в интересах самодержавия, а значит (у князя — з н а ч и т!) и народа, централизация и бюрократизм должны уступить место общественной самостоятельности. Эту самую ноту — о самодержавии, опирающемся на самостоятельность граждан, вот уж несколько десятилетий усердно тянут наши народнически-либеральные и славянофильски-либеральные публицисты. И усердие их поистине самоубийственно! Вместо того, чтобы демонстрировать на каждом общественном факте ту несомненную истину, что самодержавие не по недоразумению, но по своему внутреннему политическому содержанию есть не что иное, как властная всезахватывающая и всепопирающая бюрократия, наши либеральные недоросли систематически развращали общественную мысль, отрицая противоположность интересов абсолютизма и земского самоуправления. Одни делали это по врожденному недомыслию, другие — в надежде «обойти» самодержавие двумя-тремя хитроумными силлогизмами. Но как политическая простота первых, так и политиканская вороватость вторых составляют самые позорные страницы в истории нашей публицистической мысли. Никакие «независящие обстоятельства» не могут тут служить оправданием. Не засорять обывательское сознание фикциями свободолюбивого деспотизма и конституционного кнута, но очищать это сознание от идеологических переживаний патриархальной государственности, — вот задача, единственно достойная политического деятеля!

И надо сказать, что самодержавие, дошедшее до самоотрицания в лице князя Мещерского, до самопожирания в лице Зубатовых и Плеве, Оболенских и Вaley, само облегчает нашу задачу. Нужно только, чтобы мы сами не отдалили часа своей победы, изменяя планы

ствующего правящего класса; что пока самодержавие не будет заменено политической свободой, дальнейшее культурное развитие русского народа невозможно; что рабочие в борьбе с предпринимателями на каждом шагу наталкиваются на их союзников в лице самодержавных порядков; что самодержавие является врагом русского народа. И вот почему я написал на своем знамени: «Долой самодержавие и да здравствует политическая свобода!».

Речь сормовского рабочего Алексея Быкова.

Я не признаю себя виновным, но вышел на Большую дорогу, где была демонстрация, сознательно, присоединился и заявил свои требования. Отец мой всю жизнь провел в весьма бедном положении. Нас было четыре сына, он нас не мог даже воспитать, а не только дать нам какое-нибудь маленькое образование. Когда отец отдал меня работать, то я увидел со стороны заводской администрации одни только притеснения. Не только заведующие цехов, а даже нижние чины, которым я был отдан рабом, все меня били за каждую малость и давали самую грубую работу, которую я не в состоянии

был выполнить. Потребности, которые касались моих душевных сил, я никогда не мог удовлетворить. Я видел массу обирательства со стороны заводской администрации, которые касались нашего материального положения, существования нашей жизни. Работал я на четырех заводах и ни на одном заводе нет честных правил и честных людей со стороны администрации и везде только сбавляют расценки и стараются только оштрафовать, да лишний час заставить проработать — это нет слаще для хозяина. Я работал под управлением Николая Леонидовича Мануилова. Мне приходилось несколько раз просить повышения расценок и поденного жалования, но он не обращал на все наши просьбы никакого внимания, отвечал всегда грозным голосом и говорил, что «если будешь требовать и смущать людей, то я тебя отправлю в полицию или рассчитаю». И я стал опять работать за такую же плату, какая была предложена, чтобы не остаться без куска хлеба. После этого я проработал два месяца. Этим не я один был обижен, а все и каждый. Собрались рабочие и пошли к конторе просить повышения заработка. Заведующий обратился к ним и сказал: «Если вы не будете за эту плату работать, я пойду скажу полиции, что вы бунтуете, и вас арестуют и посадят в тюрьму». А рабочие сказали, что «мы не бун-

оппозиционных и революционных кампаний в зависимости от настроений правительственных сфер. И мы уверены, что соц.-демократия пребудет верна себе.

В этой политике нервных зигзагов, в этой сутолоке административных «единоборств», оппозиционных колебаний и революционной растерянности, в этом хаосе течений и настроений, которым кратковременность их существования не позволяет превратиться в направления, одна только партия революционного пролетариата имеет великое счастье сознавать прочность своей политической позиции.

Заигрывания бреттеров самодержавия так же мало способны бросить ее в зубатовские объятия, как издевательство самодержавных камаринских мужиков — в азартную игру политического террора. И на предательские заигрывания и на бешеные преследования она отвечает одним и тем же: расширением и углублением своей революционной работы. Сменится много политических курсов, появится и исчезнет много «партий», претендующих на усовершенствование соц.-демократической программы и тактики, но историк будущего скажет: «и эти курсы, и эти партии были лишь незначительными, отраженными эпизодами великой борьбы пробужденного пролетариата». Революционный по своей общественной природе, но никак не вследствие преследований, всегда революционирующий и всегда революционирующийся, верный своему классовому естеству при всякой политической конъюнктуре, он неизменно шел тяжелыми, но верными шагами по пути к политическому и социальному освобождению.

[Н. Троцкий]

ДВЕ КОМЕДИИ «ПОМИЛОВАНИЯ».

Фома Кочур, стрелявший в харьковского губернатора, присужден военным судом к смертной казни и затем «помилован» царем по просьбе самого князя Оболенского и приговорен к бессрочной каторге. Об этой просьбе упомянуто специально в официальном сообщении о приговоре суда, а затем самое прошение кн. Оболенского опубликовано в газетах. Князь Оболенский, его жена, мать и две дочери просят царя не допустить, чтобы князь, хотя бы косвенно, послужил причиной смерти другого человека. Так говорится в прошении.

Все это звучит наглой фальшью в устах человека, еще недавно засекавшего крестьян с утонченной жестокостью новейшего Аракчеева⁷. Конкуренту фон-Валя в деле кнутаобойства не приходится останавливаться перед лихим трупом. Не остановился же перед трупом Лекерта фон-Валь. Вся эта комедия с ее рекламным финалом имеет лишь один смысл: при помощи ее правительство пытается выйти из противоречивого положения. С одной стороны, новая виселица должна вызвать новое возмущение; с другой — в эпоху Плеве — нельзя обнаруживать «колебаний» в деле расправы с врагами. Едва ли, однако, кого-нибудь собьет с толку эта комедия. Правовое чувство политически-развитых слоев русского народа, — вопреки всяким «помилованиям», — будет возмущаться тем фактом, что исключительный суд на основании исключительных законов приговаривает к смерти и отправляет в бессрочную каторгу тех, кто пытается единолично протестовать против таких преступлений царских слуг, за которые в свободной стране князю Оболенскому и фон-Валю грозила бы каторга.

Не успокоит этого возмущенного правового чувства и весть об освобождении из сибирской ссылки лиц, арестованных за участие в московских и петербургских прошлогодних волнениях (главным образом, петерб. и

туемся, а просим свое, которое добывается нашим потом и кровью». «Если вы не будете работать, то я приведу полицию». Они побоялись и стали работать. «А того человека, как Быкова, я отправлю к местному приставу, откуда будет он отправлен в первый тюремный корпус». Когда я обратился к нему и стал просить, то он за это меня поставил на тяжелую работу и на маленькое жалование. Когда я проработал один месяц и нашел прокламацию, в которой было известно про первое мая, то я не мог дожидаться этого дня. Когда дождался этого дня, пошел на Большую дорогу, где увидел партию демонстрантов и три знамени, на которых было написано: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» и «Восьмичасовой рабочий день!», и присоединился к этой группе сознательно и кричал: «Да здравствует политическая свобода, да здравствует восьмичасовой рабочий день!».

Речь сормовского рабочего Самылина.

В 1896 г. я работал на заводе Курбатова. Здесь из молодежи образовался кружок, имеющий целью самообразование, и носил чисто экономический характер. Наш кружок кто-то выдал, и меня посадили в тюрьму.

Пока я сидел в тюрьме, семья моя страшно бедствовала... дойдя до степени нищеты. Я был старшим в семье, оставшейся без отца, состоявшей из пяти человек, и все средства к существованию добывал только я. Мать принуждена была ходить на поденную работу. А что может заработать женщина на поденной работе? Жалкий грош. И вот за то, что я участвовал в экономическом кружке, меня продержали 15 мес. в тюрьме и выслали из Нижнего в место приписки на год, выбросив меня на улицу незнакомого места, где я, лишенный работы, ходил положительно голодный. Когда я сидел в тюрьме, у меня родилась мысль, что, если за то, что человек хочет защитить себя от насилия фабрикантов и старается пополнить свое образование совместным чтением, его сажают в тюрьму, то ясно, что фабрикантам покровительствует кто-то свыше и что интересы промышленного класса не чужды правительству... Когда я приехал из ссылки сюда в Нижний и поступил работать на Сормовский завод, здесь полиция стала являться под различными предлогами ко мне на квартиру и высматривала, нет ли чего подозрительного на моей квартире. И достаточно было появления на заводе или на улице Сормова прокламаций, как полиция являлась с обыском ко мне на квартиру. И хотя не находила ничего преступного, но это не ме-

моск. студентов). После того, как бывший командир корпуса жандармов кн. Святополк-Мирский потерпел позорное поражение в своей попытке личным объездом склонить студентов к подаче прошений о помиловании; после того, как громадное большинство сосланных отказалось построить самодержавию золотой мост для неизбежного отступления и ответило на заигрывание жандарма с подобающим его званию презрением, — правительству пришлось — дабы отнять у студенчества повод к непосредственному продолжению прошлогодних беспорядков — «помиловать» студентов без всяких условий. Чтобы скрыть скандал своего поражения, правительство не обошлось без обычного приема деления на овец и козлищ: постановлением императора все сосланные в Сибирь за участие в волнениях прошлой зимы разделены на три категории: в первую вошли лица (14 мужч. и 3 женщ.), которые теперь же освобождаются от всякого надзора полиции и лишь до 1 июля 1903 года им запрещено жительство в столицах. Второй категории (32 мужч. и 8 женщ.) предстоит остаться под гласным надзором полиции до 1 июля 1903 г. с тем, однако, что они могут избрать себе жительство в Евр. России вне университетских городов, если «по семейным и родственным отношениям, а также по условиям материального обеспечения (??) перевод их представляется возможным». Наконец, причисленные к третьей категории (50 мужч. и 7 женщ.) освобождаются из Сибири 1 июля 1903 г. с оставлением под гласным надзором полиции на срок до 1 марта 1904 года.

«Освободительная» царская грамота, между прочим, сообщает, что «тов. мин. вн. дел поручено было собрать сведения о поведении этих (т. е. сосланных в Сибирь) лиц на месте их пребывания и личным их опросом определить, насколько наложенные на них административные взыскания соответствуют учиненным ими проступкам». Эти зо-

лотые слова как нельзя лучше характеризуют царящую у нас гнусную систему административной замены суда. Через полгода после того, как 114 лиц по приказам царя сосланы в Сибирь, туда отправляется чиновник исследовать, заслужили ли они — с точки зрения самого правительства — эту расправу. Этими несравненными словами правительство само признает, что ссылало, не разбирая, правого и виноватого, что оно действовало в своей борьбе с общественным движением, как шайка разбойников, сбросивших с себя последний фигурный листок «законности». Эти слова должны заставить призадуматься каждого, самого умеренного обывателя о том, можно ли еще терпеть то правительство, которое не стесняется при случае рассказать, что оно сначала наказало, а потом разобрало!

Нам, социал-демократам, приходится во всем этом эпизоде приветствовать лишний раз услугу, оказанную правительственными мудрецами делу русской революции. Вынужденное путешествие студентов в Сибирь весной этого года обратилось в сплошное торжество в честь революции: ссылаемых демонстративно встречали на пути их следования в ссылку. Через полгода они возвращаются с запасом опыта достойной и мужественной политической борьбы, возвращаются не как «помилованные» побежденные, но как нравственно победившие люди, заставившие правительство выпустить их из плена, несмотря на их отказ просить об этом, несмотря на заявления многих из них, что они будут продолжать в России прежнюю борьбу. В добрый час! И пусть возвращенные не забывают, что их возвращение не было бы столь скорым, если бы самодержавие не имело всех оснований опасаться, что дальнейшее пребывание их в Сибири вызовет новые волнения среди всех слоев общества и особенно в пролетариате. Пролетариат своим вмешательством в последние события заставил правительство серьезно бояться новых поводов к револю-

шало ей прийти во второй и третий раз и, может-быть, продолжала бы ходить и еще, но меня заперли в тюрьму. При обыске у меня, находя научные книги, спрашивали: «Для чего вы имеете у себя эти книги и тратите на них деньги, не библиотека ли у вас какая?»... А разве рабочий не должен пополнять своего скудного образования чтением книг? Разве рабочему не нужно образование? Разве ему не нужно знать, что делается на белом свете?.. Работая на Сормовском заводе, я видел, что крупные промышленные предприятия эксплуатируют рабочего еще больше, чем мелкие. Всякие притеснения со стороны администрации, взяточничества со стороны мастеров доходят до наглости. Помню один случай с подарком. Мастер той мастерской, в которой работал и я, ввел в правило, чтобы рабочие подносили ему подарок в день ангела. Деньги собирали старшие рабочие. Когда же один рабочий воспротивился этому, то мастер, придравшись к нему, рассчитал его с завода, как бунтовщика, который подбивает рабочих. Хотя эта история и дошла до фабричного инспектора, но все осталось по-старому.

Когда я узнал за несколько дней до первого мая, что в Сормове будет демонстрация, то вышел на Большую дорогу и сознательно примкнул к демонстрантам,

потому что считал себя в праве протестовать против насилия над личностью. И чтобы обратить внимание правительства на рабочих, нужно выходящее из ряда вон событие — резкое и энергичное.

Речь столяра Михайлова.

Я пришел на демонстрацию сознательно, потому что хотел вместе с другими показать, что я недоволен нашими порядками и хочу их изменения. Я, будучи еще 12 лет, был избит нагайками казаков. В то время я работал на винном заводе в городе Бежецке, и когда рабочие стали просить с хозяина прибавки жалованья, тот им отказал, а когда они прекратили работу, то хозяин обратился за полицией к правительству. Прислали сотни полторы диких казаков, и прежде, чем приняться за дело, хозяин их напоил водкой, и потом уже спустил на рабочих. На моих глазах одной девице вышибли глаз, а другой перешибли руку. Дальше я не помню, что было, потому что меня ударили два раза, и я упал в обморок. Многих рассчитали, а я и другие немногие остались, ожидая улучшения, но ничего не было, и я тоже ушел. Я пришел в Нижний, чтобы и здесь найти, чем кормиться, но долго шлялся без куска хлеба и однажды

ционными протестам. Пусть же революционное студенчество проникнется убеждением, что его первый политический долг в настоящее время помогать партии пролетариата в ее работе над революционизированием и организацией широкой массы пролетариата.

[Л. Мартов]

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ИЛИ ОТСТУПЛЕНИЕ?

«Если бы Л. Дейч просто заявил, что некоторые наши выражения, напр. о „всеобщем осуждении“, преувеличены и если бы доказал такое свое заявление фактами, очень возможно, что мы с ним охотно согласились бы», — так рассуждает автор статьи «Подложные грамоты» в № 12 «Рев. Росс.». В своем письме, помещенном в № 23 «Искры», я говорил всего о двух выражениях — о «всеобщем осуждении» и о нашем «горьком раскаянии», след., мне невозможно было заявить о «некоторых» из двух! Но далее, так как я не «заявил просто» и не «доказал этого фактами», то, значит, «Рев. Росс.» остается при прежнем своем утверждении. Но в следующей же строке автор говорит: «Мы заявляли (?) и продолжаем утверждать, что подавляющее большинство русских революционеров и как раз наиболее видные и авторитетные, отнеслись безусловно отрицательно к принципу, на котором была построена чигиринская попытка».

Где и когда «Рев. Росс.» раньше заявляла это, мне неизвестно. В № 8, как мы знаем, она утверждает, что «весь революционный мир» отнесся с «резким осуждением к чигиринской попытке», а теперь она «заявляет» уже о «подавляющем большинстве», хотя бы и состоявшем «из наиболее видных и авторитетных революционе-

ров», отнесшемся отрицательно к «принципу», что уже далеко не одно и то же.

Этим, полагаю, автор сам признает, что он впал в «преувеличение» в № 8, когда говорил о «всем революционном мире». Таким образом, «огурец» оказывается уже не «с гору», а только «с дом», но и «дом» этот, как мы сейчас увидим, таков, что в него «двоим за нужду влезть и то ни стать ни сесть».

Кропоткин⁸ говорит в письме, что «большинство чайковцев было против них, но среди более боевых групп, особенно на юге, Дейч и Стефанович⁹ имели не мало сторонников». Автор статьи, очевидно, не соглашается с П. Кропоткиным; он, повидимому, думает, что «более боевые группы» не составляли тогда «большинства», и среди них не были «наиболее видные и авторитетные революционеры». Между тем, лицам, знакомым с историей нашего движения, известно, что в то время к этим группам принадлежало преобладающее большинство кружков: на юге кружки Ив. Ковальского (в Одессе и Херсоне), Виттенберга и Гобста в Николаеве, Брантнера и Глушкова в Харькове, а в Киеве, как известно, действовали В. Осинский, Мих. Фроленко и др., принимавшие самое активное участие в освобождении нас из тюрьмы. На севере, в С.-Петербурге, Москве, по Волге и Дону раскинула свою деятельность организации «Земля и Воля», к которой тогда принадлежали: Ал. Михайлов, Ал. Квятковский, Баранников, Абалешин, Ольга Натансон, Мих. Попов, Г. Плеханов и некот. другие. Эта организация не только не была против чигиринской попытки, но, главным образом, на ее средства была совершена последняя, а после нашего побега из тюрьмы, летом 1878 г., «Земля и Воля» предложила Стефановичу и мне отправиться в ее поселения, чтобы попытаться создать там тайные общества. Еще в живых Г. Плеханов, «земледелец», написавший воспоминания, и лицо, передавшее нам значительную сумму денег для чигирин-

утром взял у ночного сторожа жестяной чайник, который хотел продать и купить хлеба, но сторож заметил, и меня забрали и отправили в колонию. Жить там было плохо, с воспитанниками обращались скверно, да и пища была плохая, мальчики из-за этого делали у себя в погребах и амбарах кражи, чтобы быть сытыми, и другие, как ястреба, бегали из колонии в деревню и ломали замки, а за то их арестовывали и они сидели в тюрьме. Воспитание тоже в колонии было скверное. Работать заставляли много, а кормили плохо. Вот, чтобы избавиться от колонии и отдохнуть, воспитанники часто бегали из колонии, а другие, чтобы попасть в больницу, нарочно толкли стекло и им засыпали себе глаза, а другие, как Мишуков, ошпаривали себе кипятком ноги и руки. Часто за всякие пустяки сажали в карцер. Я сидел часто в карцере, всего 17 раз, не меньше 7 дней и не больше 16. Один мальчик из-за плохого карцера хотел покончить с собой через поджог, но его удалось спасти. Перед моим выходом был бунт из-за того, что директор из экономии не выдавал теплой одежды. Нас хотели силой гнать на ужин и для этого прислали рабочих, которых мы встретили камнями и табуретками: тогда они ушли и больше не приходили. Мы так провели ночь и полдня; к вечеру нас стали осаждать по при-

казанию директора камнями. Многим моим товарищам проломили головы, и когда мы совсем изнемогли, нас всех перевязали и отправили кого в карцер, кого в овин и в баню. В овине привязали стоя к столбам, назад руки, и так продержали целые сутки и не давали есть. Меня же положили на скамейку, а руки и ноги завязали под скамейкой и тоже продержали сутки голодным, а потом перевели в сушилку и продержали там 16 дней, и все время давали лишь кусок небольшой хлеба и стакан воды. Когда я вышел из карцера, директор меня наказал — без горячей пищи на две недели. Я не захотел этого исполнить, и меня опять посадили в карцер на четыре дня, но скоро совсем меня выпустили из колонии и почти голого оставили на улице осенью в Нижнем и даже не дали места, тогда как других ставили на места и одевали при выходе, но с меня еще и свои заработанные деньги вычли за бунт. Я начал работать, но и хозяин меня притеснял и плохо платил жалованье и, кроме того, часто штрафовал. Однажды пришли из ремесленной управы чиновники и стали всем выдавать расчетные книжки. Книжка стоит 1 р. 25 к. Я отказался ее взять, говоря, что, когда я был маленький и ходил без куса хлеба и мерз, меня никто не видел, но когда теперь я могу работать, ко мне тянут руки купец

ской попытки. Что же, все эти кружки составляли тогда ничтожный контингент, а перечисленные мною лица принадлежат к наименее «видным и авторитетным»?

Но автор статьи имеет «свидетельство т. Е. Лазарева», что «петербургский кружок „радикалов“ (прод. кружка чайковцев), в котором участвовал Клеменц, Перовская, Степняк и др., подавляющим большинством отклонил предложение оказать Стефановичу даже простую денежную помощь для осуществления его проекта». Все это — сплошной вымысел. В описываемое мною время, т. е. до нашего ареста (осенью 1877 г.), никакого кружка «радикалов» (продолжателя кружка чайковцев) не было; Клеменц и Степняк были за границей и не входили ни в какой из действовавших в России кружков. «Большинство» же чайковцев, о которых упоминает П. Кропоткин, в России составляли: С. Перовская, А. Корнилова, Сердюкова, Чарушина и Л. Синегуб — и только. Они не представляли из себя никакого революционного кружка, и все их внимание было сосредоточено на оказывании помощи заключенным в тюрьмах. Как «большинство» это отнеслось к чигиринской попытке, мне неизвестно, но что касается С. Перовской, то, насколько я мог заключить из разговоров с нею осенью 1879 г., она сама готова была примкнуть к новому предприятию, если бы его затеял Стефанович. Об этом именно говорится в конце ее биографии, изд. загр. отд. Кр. Нар. В. (стр. 21—23).

Далее, этот же «свидетель» Е. Лазарев заявляет еще, что среди сидевших по делу 193 «не раздалось ни одного голоса в защиту операции с подложными манифестами». Это заявление столь же правдиво, как и вышеуказанное. Сидя в тюрьме, зимой 1877—78 г., мы переписывались с Е. Брешковской, которая сообщала нам, что ее товарищи — Ковалик, Войноральский, Муравский и др. — с большим сочувствием относятся к чигиринской попытке. При этом она пересылала нам

письма ее друзей, и ни в одном из них не было ничего похожего на отрицательное отношение. Е. Брешковская и С. Ковалик еще живы.

Сославшись на неимение №№ выходивших в то время революционных изданий, — о чем могу лишь пожалеть, — автор все же пытается подкрепить свое утверждение печатными источниками. Он указывает на воспоминания Дебагория-Мокриевича, печатавшиеся в «Вестн. Нар. Воли», но в середине 80-х гг., — а не в конце 70-х, что надо было бы автору для подкрепления своих утверждений, — и на статью Драгоманова¹⁰ в «Общ.»¹¹, будто бы направленную против чигиринской попытки. В действительности же было следующее. В ответ на напечатанный Стефановичем в «Общ.» разбор малорусских произведений Драгоманова, которого он упрекал за отрицательное отношение ко всему русскому революционн. движению, Драгоманов поместил там же свою статью, в которой, между прочим, сказано: «Что же касается, в частности, до нашего мнения о таких вещах, как прибегание тех или других из „русских революционеров“ к молебнам и к другим подобным приемам для возбуждения к себе внимания „народа“, напр., к самозванству, подложным грамотам от царя и т. п., то мы и после возражений Стефановича остаемся при том же своем мнении, что во всем этом мы видим примирение с тем, с чем следует бороться» («Общ.» № 8—9, стр. 55). Драгоманов, как известно, одинаково нападал на устройство демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г., как и на убийство Мезенцева «из-за угла», и на многое другое, если не сказать — на все русское революционное движение. Но нужно полное незнание нашего прошлого или очень богатое воображение, чтобы ссылаться на приведенный даже Драгомановым только пример, как на доказательство, что в изданиях конца 70-х годов была, мол, статья Драгоманова против чигиринской попытки!

и чиновники в лице правительства и начинают обирать, но на это не обратили внимания — и вычли больше, чем следует, — 4 р. Я стал думать: неужели же я создан для того, чтобы содержать людей, а самому вечно биться из-за куска хлеба?.. Я однажды нашел листок, и там говорилось, что правительство собирает с народа сотни миллионов с табака, спичек, керосина и вина, и эти деньги идут на армию и флот, никому ненужные, только для защиты своих мундиров. Я часто находил листки и все более стал убеждаться в произволе правительства. Потом и с самим был случай: из деревни прислали бумагу, чтобы я заплатил подати, но я отказался, говоря, что отец мой не пахарь, а земля принадлежит пахарю, а я столяр, и мне нужен верстак. Но вот, когда я поступил к другому хозяину, хотя и небогатому, но честному человеку, по донесению шпионов раз ночью ворвались жандармы и полиция и, ничего не найдя, хозяина увели в тюрьму, и я должен был содержать его семью, но жандармы мне не велели, потому что так пришлось бы скорее разориться и итти шляться, но я этого не сделал, и хозяина через полтора месяца выпустили. Наконец, я понадобился и в солдаты, но и здесь я отошел кое-как от службы из-за маленького брата. К нам часто в мастерскую привозили мужички

лес и жаловались, что у них описывают последние самовары и даже у невест приданое. Конечно, испытав сам много горя, я оставался недоволен насилием правительства и ждал случая, чтобы высказать свой протест. И вот перед первым мая 1902 г. я нашел листок, где звали желающих на демонстрацию, и я пошел, но в этот день ничего не было, а было 5 мая, и я взял красное знамя и пошел на назначенное место, но ничего не было. Я прошел на откос, где увидел группу людей и стал петь песни, потом, когда окружила полиция, выкинул красное знамя и крикнул: «Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода и восьмичасовой рабочий день!».

* * *

На вопрос председателя палаты, кто ему дал знамя, Михайлов ответил, что это его тайна, и он не желает объяснять.

Столь же удачны и верны решительно все ссылки и доводы нашего автора. Так, он приводит кое-что из заявления редакции «Черн. Перед.», где говорится, что она «не думает пропагандировать тех средств, которые практиковались в чигиринском деле». Но что в этом заявлении не заключается «резкого осуждения» чигиринского дела, видно уже из отзыва постороннего человека, историка нашего движения, проф. Туна, который прямо упрекает редакцию «Черн. Перед.» в том, что она «ни единым словом не высказала своего порицания» и что «оправдывает» (entschuldigt) прибегание в этом деле к царскому авторитету («Geschichte d. rev. Bew.», стр. 137).

Совершенно таков же, как и редакции «Черн. Перед.», был мой и Стефановича взгляд на эту попытку: мы решительно стояли против пропаганды «авторитарного принципа», — мы говорили только, что, при сложившихся в чигиринском уезде условиях во время происходивших там волнений (1875 — 76 гг.), иным способом нам нельзя было там действовать. Это, думаю, подтвердит и П. Кропоткин, теперь утверждающий, что он тогда уже указывал на другие способы и приемы.

Но далее. Несколькими вырванными из общей связи фразами из «Подп. России» автор желает уверить читателя, что Степняк относился «безусловно отрицательно» к чигиринскому делу. Некоторые резкие выражения, встречающиеся в книге Степняка, наряду с восторженными, по поводу чигиринской попытки, объясняются тем, что он писал свои «профили» много лет спустя, а главное, что он предназначал их первоначально для иностранной публики и лишь в 1893 г. выпустил их по-русски. Глава о Стефановиче составлена к тому же из частей, писанных в разные эпохи. Но что в конце 70-х годов Степняк не относился к чигиринской попытке, как к «бесовестной мистификации», знают находящиеся в живых друзья его. Наоборот, они смогут «засвидетельствовать», что отношение его тогда было скорее восторженное и что он сам просил Стефановича привлечь и его к делу создания где-либо в другом месте организации среди крестьян.

Еще более вески и убедительны доводы, приведенные в доказательство того, что мы со Стефановичем «горько раскаивались». Для этого автор ссылается на еще не напечатанное сообщение одного «Землевольца», заявляющего, что Стефанович отказался от «авторитарного принципа». Допустим, что на этот раз наш автор вполне верно цитирует находящуюся у него лишь в руках рукопись, по его словам, «одного из редакторов „Земли и Воли“, каковым, к слову, „Землеволец“, написавший записки, никогда не был. Что из этой цитаты следует? Только то, что и я выше сообщил, а именно — Стефанович вовсе не стоял за «авторитарный принцип». К тому же из чигиринской попытки он вынес знание и опыт, как взяться за устройство организации среди крестьян, уже не пользуясь именем царя. Но нужно обладать воображением «дворянина» или «князя», возвратившегося «из дальних странствий», чтобы, на основании сообщения «Землевольца», утверждать, что Стефанович «горько раскаялся в своем ложном шаге».

Второй довод в доказательство нашего «горького раскаяния» еще лучше указанного: один, видите ли, будто бы участник чигиринской попытки, Дебагорий-

Мокриевич, говорит, что, попав в тюрьму, он «чувствовал себя перед крестьянами, как провинившийся мальчишка». Но Дебагорий-Мокриевич к числу участников чигиринской попытки не принадлежал; он впервые узнал о ней уже после ареста нас троих — меня, Стефановича и Бохановского, которого автор почему-то упорно обходит молчанием. По поручению Стефановича, переданному из тюрьмы, Дебагорий-Мокриевич поехал разыскивать одного скрывшегося крестьянина, и в этом состояло все его прикосновение к нашей попытке. Можно было выразить удивление или даже восхищение по поводу впечатлительности Мокриевича, почувствовавшего себя виноватым за чужие деяния, но сделать из его слов заключение, что, след., Стефанович и Дейч «горько раскаивались», совершенно аналогично известному силлогизму: «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

Мне следовало бы еще остановиться на чудесной ссылке на Бакунина — «духовного отца, отказавшегося от своих детей», надо полагать, от нас, чигиринцев, что он сделал, конечно, с того уж света, так как он умер в июне 1876 г., а чигиринская попытка была затеяна Стефановичем лишь зимой 1876 — 1877 г.; я мог бы кое-что сказать и о вольном комментарии письма П. Кропоткина, будто бы находившего лишь «смягчающие» нашу вину «обстоятельства»; не мешало бы, наконец, показать автору, что он обнаруживает полнейшее незнание с «народничеством», когда докторальным тоном поучает читателей, что я, будто бы, желаю взвалить вину «отдельных лиц или незначительного кружка на все „народничество“»; но мой ответ уж и без того чересчур растянулся. Скажу лишь, что решительно ни один из приведенных автором доводов не подтверждает ни прежних утверждений, сделанных в № 8 «Рев. Росс.» ни нового его заявления. Мало того, статья «Подложные грамоты» переполнена сплошь массой совершенно неосновательных и вполне произвольных утверждений.

Я поэтому уверен, что нашему автору придется сделать еще одну уступку и признать, что в новом его утверждении о «подавляющем большинстве» имеются также «некоторые преувеличения», и заявить, что, мол, «были отдельные лица и, в лучшем случае, незначительные кружки», к тому же состоявшие из наименее «боевых», революционных членов, которые в конце 70-х годов отнеслись отрицательно к чигиринской попытке. А если он к тому же прямо признает, что лишь на основании ложных посылок и неправильных сообщений сделал свою «аналогию» о моем и Стефановича «горьком раскаянии», то и я «охотно соглашусь» в этом случае с ним.

Л. Дейч.

БОРЬБА РОСТОВСКИХ РАБОЧИХ.

Грандиозная борьба вспыхнула в Ростове-на-Дону 2 — 4 ноября, обнаружив еще и еще раз, в назидание всем малочисленным, какая громадная революционная энергия накоплена рабочим классом и как глубоко проникли семена соц.-дем. пропаганды.

Приведем, прежде всего, сообщения наших донских товарищей.

«4 ноября, в 10 час. утра, в главных мастерских Влк. ж. д., в которых работает около 4.000 чел., вспыхнула стачка, в которой приняли участие все рабочие, почти без

исключения. Стачка была подготовлена. В этот день появилась прокламация местного Комитета с призывом к стачке, которая произвела сильное впечатление. С утра началось брожение, но рабочие не могли начать. В 10 час. утра в мастерские ворвалось несколько человек, не работающих в мастерских, с криком: «Бросай работу!». Рабочие нескольких цехов с криком: „стачка“ высыпали на двор. Заранее подготовленный отряд организованных рабочих бросился в машинное отделение и дал тревожный свисток. Инженер Голоцуцкий и кочегар, пытавшиеся воспротивиться этому, были избиты. Высыпавшим во двор после гудка рабочим была прочитана прокламация. Произнесено несколько кратких речей. Рабочие приняли все требования, выставленные в прокламации, именно: 1) 9-часовой рабочий день; 2) прекращение работ по субботам и накануне праздников в 2 ч. дня; 3) повышение жалованья на 20 проц.; 4) повышение расценок, чтобы они составляли не менее 50 проц. жалования; 5) полная отмена штрафов за неявку на работу; 6) удаление мерзавцев мастеров Вицкевича и Чернявского; 7) вежливое обращение мастеров; 8) устройство школы для детей рабочих; 9) вывешивание таблицы расценок во всех цехах. К этим основным требованиям потом была прибавлена масса требований второстепенных, всего 25 пунктов. В виду того, что рабочие являются сторонниками сдельных работ, Комитет должен был отказаться от агитации против сдельных работ. Стачкой предполагается воспользоваться для широкой политической агитации. Настроение среди рабочих хорошее; все говорит, что будут держаться до конца. Власти поражены умелым поведением рабочих: не слышно ни одного ругательства, не разбито ни одного окна.

На присланной нам (печатной) прокламации от 4 ноября Донской Комитет добавляет след.:

«5 ноября к стачке присоединились рабочие депо, 6 ноября рабочие завода Пастухова (400 чел.) бросили работу и присоединились к стачке. Возле мастерских собирается толпа на несколько тысяч человек. Произносятся речи интеллигентами и рабочими. Ораторов выносят на руках. На сходки рабочие приходят всем семейством — с женами и детьми. До сих пор (7/XI) ни одного ареста. Полиция и жандармы боятся дразнить голодающую толпу. На всех заводах страшное брожение. Ожидаем всеобщей стачки. Прокламации выходят по две в день».

6 ноября Донской Ком. обратился со след. прокламацией «Ко всем гражданам»¹².

«Первый снег, — и вместе с ним первый отдаленный раскат надвигающейся революции. Рабочие владикавказских мастерских бросили работу и выставили свои требования. В них нет ничего политического, но самый факт такой крупной стачки своим могучим напором рвет старые заржавленные средневековые цепи самодержавия. И не дождемся мы, быть-может, будущего „первого снега“, как те же рабочие стройной тысячной толпой пройдут под красными знаменами соц.-демократии с громким криком: „Долой самодержавие! Да здравствует свобода!“, пройдут по улицам Ростова, которые еще никогда не слышали вольных криков свободы. Они — и только они — в силах разрушить смрадное здание проклятого самодержавия, они — и только они — в силах дать свободу задуманной, голодной Руси.

«Придите же к нам на помощь в их первых трудных шагах борьбы. Придите вы, втайне ненавидящие запятнанное кровью гнуснейших преступлений самодержавие; придите вы, втайне болеющие за вымирающий от голода народ; придите вы, втайне робко мечтающие о свободе. Придите на помощь, чем можете. Окажите борющимся хоть материальную поддержку!

«Проснитесь же, граждане!».

Приводим те из многочисленных сообщений о событиях, которые наиболее полно рисуют картину борьбы и впечатление, производимое ею:

«Ростов переживает теперь тревожные дни. Он вышел, наконец, из своей спячки. 2 ноября началась стачка в мастерских Владикавказской жел. дор. Бросили работу котельщики, предполагалось это дело занять, но в понедельник, 4-го, бросили и остальные цехи, 5-го вышли прокламации от Донск. Комитета с программой действия и с требованиями (требования до 25 параграфов). Поли-

ция пока бездействует, и 6-го происходит грандиозный митинг. На дворе мастерских (Вл. ж. д.) сошлось более трех тысяч одних рабочих, не считая приехавших. Не взирая на присутствие переодетых и непереодетых жандармов, начальника их, жандармского полковника Артемьева и пр. и пр., произносятся громовые речи, поддерживаемые громкими криками собравшихся. На 7-е назначается новая сходка. В 12 часов на том же дворе, на прилегающих к нему пустырях, собирается еще большее количество народа, т. к. накануне были разбросаны и расклеены прокламации к обществу, и в тот же день неизвестно по каким причинам вспыхнул пожар на заводе Пастухова. Зрелище было еще более сильное. Речи не умолкали, крики свободные тоже. Пока еще не предпринимают ничего. На завтра назначена опять сходка, на которую ожидаются рабочие других заводов. Донской Комитет открыл свою типографию и выпустил к новобранцам массу прокламаций. В то же время обнаружилось странное и еще небывалое явление: в учебные заведения были присланы прокламации от Южно-Русской группы учащихся средних школ. Одна из таких прокламаций попала в руки инспектора гимназии, но он еще ничего не предпринял»...

«К рабочим Вл. ж. д. присоединились рабочие завода Панина (жел. зав.); забастовали пекари. На ст. Тихорецкой, Влад. ж. д., тоже побросали работу. В продолжение пяти дней рабочие, в количестве 3—4 и более тысяч, собираются за городом, разбрасывают прокламации, которые тотчас же прочитываются, затем говорят речи, прежде всего убеждающие рабочих продолжать стачку и не сдаваться. Сегодня за городом, кроме рабочих Вл. ж. д. в числе 4 тысяч, пришли с других фабрик и заводов, толпа собралась не меньше 10 тысяч. Собрались в предместьях Темернике на возвышении. Начал говорить один бывший рабочий: говорил, что унижительно уступить капиталистам, толпа прокричала, что не пойдет на уступки; потом он говорил, что рабочие в отдельности не должны вести переговоры с хозяевами, потому что рабочий обыкновенно не сможет ясно формулировать свои требования, его убеждения не настолько ясно сложились, чтобы он мог выложить все, что желает, для этого необходимо действовать целой массой, посредством печатно выраженных требований; потом сообщил, какие рабочие на других заводах забастовали, и сказал, что администрация очень трусит, потому что забастовка Влад. ж.-д. мастерских грозит раздвинуться дальше, и весь Ростов будет охвачен стачечным движением; он передал, что наказный атаман сказал, что если стачка еще продолжится 2 дня, то рабочие будут удовлетворены. Это он узнал из достоверных источников. Во все продолжение этой речи ему не мешали ни полиция, ни жандармы. Вот уже 5 дней, как у нас свободно говорят обо всем, ободряют стачечников и убеждают их держаться стойко, и жандармерия дает собираться народу и обсуждать его интересы. Когда говорил другой оратор, понемногу стали наезжать казаки с нагайками и пиками. Оратор, увидя, что начальство все больше приближается к народу и тем пугает людей, собравшихся не для каких-либо преступных целей, а мирно обсуждающих свои дела, спросил, зачем здесь жандармерия. В толпу в'ехал подполковник и стал читать рабочим ответ министра путей сообщения Хилкова: требования рабочих не могут быть удовлетворены, и если рабочему не нравятся условия найма и заработной платы, пусть берет расчет и, если чем-нибудь недоволен — обращается в суд. Оратор спросил, соглашаются ли на это рабочие, те закричали: нет!!

«Полковник велел разойтись. Толпа, подстрекаемая оратором, осталась на месте. Тогда прискакали казаки и стали об'езжать толпу, для запугивания. Народ вел себя очень сдержанно, спокойно и слушал оратора, который говорил, что толпу не имеют права трогать, потому что это мирная стачка, рабочие не буйствуют и никого не оскорбляют. Начальство все больше убеждало разойтись, но толпа не двигалась, а казаки все больше приближались к ней. Оратор обратился к казакам, говоря, что разве под их мундирами не бьется человеческое сердце? Что они сами вышли из тех же крестьян и, окончив службу, попадают на фабрики и заводы, они не посмеют избивать ни в чем неповинных людей, добивающихся только сносных условий труда. Потом оратор закричал: „Пока казаки не удалятся, народ не разойдется!“ Казакам велено было уда-

литься, и народ понемногу разошелся. Назначена сходка на завтра, на том же месте»...

«По улицам встречаются кучки рабочих, которые горячо толкуют о стачке. Пройдя Темерницкие ворота, поднимаемся на гору, со всех сторон идут рабочие. Все пространство площади было разделено на две части рвом. На одном краю его стояла масса рабочих, там и сям читались прокламации, рабочие, слушая их, все более возбуждались. Вдруг все закричали: „Товарищ идет!“ и зашевелились; пришел вождь, все очищали перед ним дорогу и оживились. Он остановился на другой стороне на площадке, масса двинулась за ним и заняла собою оба откоса и громадное пространство на дне рва. Народ все прибывал. Было около 8 тысяч рабочих и около полутора тысяч женщин, наконец, пришли ораторы и стали говорить речи. Толпа слушала очень внимательно и единодушно отвечала на вопросы ораторов. Они решили продолжать стачку и 13 числа взять получку за прошлый месяц.

«Во время речей толпа—рабочие, учащиеся и публика—сидела на земле. Многие женщины сели на краю рва и невозмутимо сидели, несмотря на то, что на них почти наезжали казаки. Оказалось, что казаки не уехали совсем, а только скрылись в стороне. На завтра назначена сходка в 12 час. дня»....

«Ростов-на-Дону, 13 ноября... Сообщаю новые подробности ростовских „ноябрьских дней“. Здесь творится нечто небывалое еще в России. Как только вспыхнула стачка в мастерских Влад. ж. д., на всех фабриках и заводах началось невиданное брожение. Во многих местах рабочие бросали работу и опять ее начинали, уходили с работы смотреть, что делается „на стачке“, и потом приходили обратно. Забастовала и предъявила требования понастоящему только фабрика Токарева (свыше 300 чел.). Требования эти удовлетворены, и 11 ноября на фабрике началась работа. Теперь, кроме мастерских ж. д., бастуют: плугостроительный завод „Акса́й“, цементный „Союз“ и табачная фабрика Асмолова; предъявленные требования, в общем, сходны с требованиями железнодорожников. Не работают на табачной фабрике „Работница“, на плугостроительном Григорьева и К°, на железоделательном и чугунолитейном зав. Дутикова. Не работает много мелких мастерских и отдельных рабочих всевозможных производств. Все забастовавшие и масса любопытных стекаются к одному центру — железнодорожникам. С первого дня стачки начались сходки, на которых говорят два постоянных оратора—интеллигент и рабочий. Речи эти исключительно ярко-политического характера. 4, 5 и 6 ноября сходки, вернее митинги, происходили во дворе мастерских ж. д., но когда количество участников этих сборищ превысило десять тысяч человек, и двор мастерских не мог вместить всех интересующихся, митинги были перенесены „на балку“ — в огромный крутой овраг, находящийся между Ростовом и ст. Гниловской. В четверг, 7-го, было уже тысяч 15 слушателей, и ораторы говорили с горы к народу не смущаясь присутствием войск. В четверг же в Ростов прибыли еще войска, вместе с атаманом и всей областной администрацией. Вообще административная жизнь области как-то замерла: в полиции целую неделю почти не вскрывается и не рассматривается. Срочные бумаги лежат без исполнения, тогда как все чины полиции усердно посещают митинги. В пятницу, 8-го, рабочим была прочитана телеграмма министра путей сообщения, который признал все требования рабочих незаслуживающими удовлетворения. Прочитав эту телеграмму, жандармский полковник Артемьев приказал толпе разойтись и больше не собираться скопом. Тот же самый приказ повторил и сам войсковой наказный атаман и пригрозил рабочим разными бедами за непослушание. Поднимается тогда оратор и, не смущаясь присутствием грозного начальника области, спрашивает: „Господа, боимся мы атамана?“ — „Нет, не боимся“, — отвечает толпа. — „Станем мы слушаться его приказаний?“ — „Нет, не станем“, — режут в ответ тысячи голосов. — „Ну, тогда оставайтесь на месте и будем продолжать наши разговоры“.

«Само собою разумеется, казакам дан был приказ разогнать толпу нагайками. Но избиение на этот раз не состоялось, благодаря замечательному маневру оратора. Он приказал всем сесть, и несколько тысяч человек, мужчин, женщин и детей, уселись на землю и смиренно ожидали

своей участи. Казаки опешили и остановились в недоумении. Бить сидячего с седла крайне неудобно, и казаки, погарцовав немного, прекратили это глупое занятие. В середине толпы встало несколько человек и подняли на плечи оратора, который обратился с речью к казакам. Тогда толпа объявила, что дальнейшие сходки запрещаются и с участниками их будут поступать по всем строгостям закона. Казаков убрали, и толпа разошлась.

«В субботу казаки заняли балку, но стачечники собрались недалеко от нее. Видя, что толпа велика и что с нею трудно справиться, стачечникам объявили, что атаман разрешает им на этот раз сходку для того, чтобы они выбрали депутацию к нему. Депутация была избрана, и политический митинг продолжался своим чередом. Характерно, что когда депутация явилась к атаману, этот глупый бурбон заявил, что он не желает с ними разговаривать и соглашается их выслушать в виде особой милости. Депутаты держались солидно и с большим достоинством ответили на эту нелепую выходку.

«В воскресенье атаман разрешил собраться только для выслушания ответа депутатов. Тем не менее митинг продолжался от 11 до 3 час. дня. Народу собралось видимо-невидимо; мы определяем толпу в 25—30 тысяч чел. Торжественное, неслыханное еще в России зрелище представлял этот митинг. Стояла прекрасная погода, и солнце освещало многотысячную толпу, в которой, тесно прижавшись друг к другу, стояли представители буквально всех слоев общества. Даже крупные буржуа на собственных рысках приезжали взглянуть на своего пробуждающегося врага. Как и в предыдущие дни, речи носили ярко политический характер. В одной из них сопоставлялось развитие христианства с развитием социализма. Одна речь была посвящена армии, ее роли и значению в капиталистическом государстве вообще и в России в частности. Комментировалось это примерами из китайской войны. В виду того, что значительная часть рабочих относится все еще крайне враждебно к политической агитации, а часть стачечников даже угрожала стать на работу, если их будут „запутывать в политику“, — было произнесено несколько речей на тему: „Почему мы произносим политические речи“. Речи эти произвели очень сильное впечатление на толпу. Дисциплина и порядок на митингах — образцовые, толпа повиновалась каждому слову ораторов. Митинг сопровождался возгласами массы: „Да здравствует политическая свобода, свобода стачек, сходок и собраний, слова и печати. Мы требуем справедливых законов и равенства всех перед законом“. Несмотря на категорическое запрещение атамана, толпа решила собраться на следующий день. В этот же день было расклеено по городу обязательное постановление о воспрещении носить оружие, останавливаться на улицах и т. д. Кроме того, было издано напечатанное крупным шрифтом новое постановление, по которому всякие сходки безусловно воспрещаются, зачинщики будут немедленно арестованы, а войска будут без всяких церемоний действовать оружием. В тот же день состоялось, под председательством атамана, экстренное совещание чинов администрации и представителей ж. д. Управляющий дороги готов был сделать все уступки, за исключением 9-часового рабочего дня и отмены штрафов, но атаман восстал против этого, говоря, что тогда другие рабочие не успокоятся, пока не получат того же. Совещание решило во что бы то ни стало арестовать ораторов и не допустить новой сходки, не останавливаясь даже перед самыми крутыми мерами.

«В понедельник с утра казачьи нагайки начали дружно действовать. Казаки напали на толпу женщин, шедших на сходку, и начали их колотить. Женщины героически защищались, отняли у казаков четыре пики и все-таки явились на сходку. В самой балке, едва только успела собраться небольшая толпа рабочих, как на нее напали казаки. Стачечники сели на землю, но и этот маневр не удался: казаки скакали прямо на сидящих. Тогда рабочие поднялись и оказали сопротивление. Камнями им удалось отбить казаков (во время свалки три казака с лошадьми были сброшены в овраг и казачий офицер поранен) и перейти на Темерник, где на перекрестке двух наиболее широких улиц собралась попрежнему громадная толпа рабочих и кучка интеллигенции. Решили не расходиться. Вскоре сюда явились солдаты и казаки, и началось сраже-

ние. Толпа разобрала несколько заборов, выдергивала колья во дворах, ломала деревья, крыши и „слоги“ (для вывешивания флагов) и вооружилась всем этим. В несколько минут были наворочены целые груды камней. Рабочие взбирались на крыши домов, накладывали там груды камней и обстреливали ими казаков. Толпа вырывала у казаков пики и ломала их. Всадников стаскивали с лошадей, отбирали у них сабли и ружья, отнимали пики и нагайки. Шесть раз войска нападали на толпу и отступали с большим уроном. Град камней обращал в бегство казачьи лошадей. А толпа все прибывала и становилась свирепее. Наконец, казаки окончательно отступили, и началась сходка. С обеих сторон много раненых, одну женщину страшно искололи пиками. Сходка продолжалась до двух часов дня, и толпа решила разойтись с тем, чтобы завтра собраться на том же месте. В половине четвертого, когда уже осталось совсем мало народа, мальчишки насмешками разозлили солдат, и те бросились избивать их. За мальчиков вступились взрослые и очень скоро обратили солдат в бегство. Тогда в толпу по команде дан был залп, без предупреждения. На месте осталось 6 чел. убитых наповал, 12 чел. тяжело раненых; есть еще раненые, но число их не установлено. Слух о выстрелах страшно наэлектризовал весь город. На улицах заметно было значительное оживление. Толпы людей ходили и громко выражали свое возмущение. Можно было ожидать какого-нибудь взрыва. По улицам везде были расставлены усиленные наряды городских и патрули казаков (в понедельник же был ранен жандармский полковник Артемьев и еще несколько офицеров). Казаки с песнями и гиканием раз'езжали по всем направлениям — на страх врагам. Перепуганная администрация ночью экстренно отпечатала и облепила весь город брошюрой Богдановича: „Русским рабочим душевное слово“. Но русские рабочие срывают „душевное слово“, не дочитав даже первого столбца.

«Во вторник на сходку толпа шла вооруженная; все ожидали страшного кровопролития. Ночью прибыло из Екатеринослава 2.000 солдат и масса кубанских казаков. Комитет, как и в первые дни, находил, что если администрация не допустит митинга, то стремиться прорвать цепь войск и идти в город на демонстрацию. Войска преградили доступ на Темерникскую сторону ростовским и нахичиванским рабочим. По Доломановскому пер. и Темерникскому проспекту много дворов было заперено войсками. Особенно много их было во дворах фабрики Панченко и мельницы Филонова. Все проезды через Темерник были заняты войсками, но рабочие все-таки умудрились перебраться через замерзшую речку. На месте сходки народу собралось больше прежнего. Толпу выстрелы только озлобили, администрацию они испугали. После торжественных обещаний, письменных и устных, ни за что не допустить сборки — на месте сходки не было ни одного городского. Произносились попрежнему политические речи. В толпе лежал труп одного из расстрелянных, которого не выдали полиции. Хотели было идти с этим трупом демонстративно в город, но потом отказались.

«14-го была новая сходка, на которой попрежнему не было полиции. Войска со всех сторон стягиваются в город. Среди казаков растет недовольство атаманом; прокламаций к войскам не удастся распространить. Несколько дней уже закрыты все винные лавки, виноторговли, ренсковые погребя, даже увеселительное заведение „Палермо“. Торговые операции города страшно сократились. Торговцы просят атамана успокоить рабочих, фабриканты настаивают на укрощении и подавлении.

«Ежедневно выходят прокламации (печатные) в количестве 1.500—2.500 штук. Больше не успевает изготовлять типография за ночь. Количества этого не хватает, так как толпа набрасывается на прокламации с большей жадностью, чем голодные на хлеб. Распространяются они на виду у полиции и жандармов. Вначале прокламации бросались в толпу, но это вызывало слишком большую суматоху. Тогда решили их раздавать, но и тут результаты не вполне удачны. Одного распространителя чуть не задушили, на другом разодрали пальто. Из-за прокламаций происходят целые свалки.

«На сходке и вообще на Темернике не осмеливаются никого арестовать, зато на улицах прямо-таки хватают заподозренных лиц. Производится масса обысков. В по-

недельник исчез один из главных ораторов. Вероятно, он арестован на улице и увезен в какую-то тюрьму. Во вторник в двух случаях толпа отбивала у полиции арестованных. В пользу стачечников собрано уже 1.300 руб.

«Повторяю, события наши изобилуют массою любопытнейших подробностей, но теперь буквально не в состоянии описать их. События на меня сильно повлияли, и я все время страдаю бессонницей, так что едва вожу пером по бумаге.

«Как бы ни кончилась стачка, воспитательное значение ее колоссально, и уж сейчас явился огромный спрос на нелегальную литературу. Нужны буквально десятки пудов литературы, и заграничные организации нравственно обязаны теперь же посылать сюда транспорты».

Приводим еще одно письмо от 13 ноября в несколько сокращенном виде и опускаю фамилии ораторов: «На другой день (4 ноября) все рабочие (ж.-д. мастерск.) не работали и собрались на дворе для совещания. Один рабочий сказал речь на тему о силе единодушия, он пробовал указать и на политическую сторону стачки, но старики отнеслись неодобрительно. К этому дню вышла уже вторая прокламация, которая замечательно быстро расходилась. Город наводнен жандармами и шпионами, атаман с 4 сотнями донских казаков там же. Недавно прибыли кубанские и терские казаки числом до 1.000. Рабочие хотели пройти по городу с красным знаменем, но старики протестовали. На следующий день уже было до 8.000 чел., масса рабочих с других фабрик и заводов, а также много интеллигентов и учащихся (несмотря на строгое запрещение посещать сходки). На этой сходке нашелся новый оратор-интеллигент. Ясностью и пылкостью речи он приковал внимание всех, так что ему удалось указать на политическую сторону, и его последние слова: „Долой самодержавие“ были приняты дружными одобрительными возгласами толпы. С каждым днем бастуют все новые и новые рабочие, даже булочники и переплетчики мелких мастерских. Сходки — ежедневно от 11 утра до 5 вечера с речами указанных ораторов. Полиция боится трогать ораторов на сходках, но так рыщет по всем углам, а сыскать их не может.

«Следующая сходка, которая была еще многолюдней, состоялась в балке за Темерником, ибо во дворе было мало места. Пристав заявил, что атаман просит к себе депутатов. На следующий день количество народа на сходке достигло до 20.000 чел. Оратор-рабочий объявил результаты переговоров с атаманом: оказывается, что атаман не просил депутатов, он был груб и предложил выдать ораторов: тогда, де, он сделает уступки. При этом оратор заявил, что, если народ верит обещаниям атамана, то он и товарищи его сейчас, на глазах рабочих, отдадутся в руки полиции. Эти слова были заглушены единодушным криком: „Не выдадим!“ (некоторые из рабочих плакали). Уже вся 20.000-ная толпа подхватывала крик: „Долой самодержавие!“ Ораторы указывали на крестьянские голодовки и истязания и на тихорецкую драму. После речи был устроен сбор денег и было собрано 342 р. 80 к., но многие не ожидали сбора и пришли без денег; на-днях в обществе собрано свыше 1.000 руб.; во время сходки разбрасывались прокламации. Чернь со времени Нерона не бросалась так на хлеб, как присутствующие на прокламации. Происходила ужасная давка. Один рабочий, чуть не плача, кричал: „Хоть одну прокламашку“... Описав следующую сходку, речь к казакам, отражение их атаки и выстрелы в толпу, автор заключает: „Полицией были вывешены объявления о наказании за присутствие на сходках, но публика и рабочие срывали их, так что городские не подпускали к ним никого.

«9-го хотели устроить демонстрацию в театре: шли „Мещане“, но атаман велел эту пьесу снять».

«Ожидают тов. министра вн. дел. Мясоедова-Иванова. На-днях было совещание атамана, жандармов, фабрикантов и заводчиков. Последние хотели уступить, но атаман протестует, особенно против 9-часового рабочего дня. Он говорит: „Я их нагайками заставлю работать!“ Хозяева предлагают деньги на выписку войск. Общество возмущено избиением рабочих и всецело сочувствует им. Настроение бодрое и стойкое. Было получено сообщение, что в Ростов идут шахтеры из Таганрога».

Вот еще выдержка из письма:

«Уже восьмой день нас треплет нервная лихорадка. Стачка продолжается; каждый день происходят собрания на Темернике. Вчера было шесть конных атак на толпу. Били нещадно нагайками, саблями и пиками — масса раненых. Однако, толпа держалась стойко. Все атаки были встречены градом камней и отбиты. Когда толпа уже начала расходиться, пришли пехотинцы, и дан был залп без всяких предостережений. 7 чел. остались на месте убитые, 15 сильно ранены и отвезены в больницу. Убитых толпа не дала подбирать. Несмотря на это, сегодня толпа опять собралась. Полиция не препятствовала, только устроила кордон вокруг реки Темерника, желая воспрепятствовать толпе, если она двинется в город. Обысков еще не было, но аресты были. Арестовали одного оратора и переодетого гимназиста. По улицам раз'езжают и расхаживают целые отряды казаков. Приехал атаман, кто-то из министерства путей сообщ. и многие другие»¹³.

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Н. - Новгород. ... Сообщу, прежде всего, окончательную судьбу здешних судебных процессов: по сормовскому делу шесть человек лишены всех прав состояния и ссылаются пожизненно на поселение в отдаленные места Сибири: Заломов, Самылин, Алексей Быков, Дружкин, Ляпин, Фролов. Остальные семь оправданы.

По нижегородскому делу двое — Кислова и Георгиевский — оправданы, двое — Моисеев и Лубоцкий — лишены всех прав состояния и ссылаются пожизненно на поселение в отдаленные места Сибири, остальные пять — Доброхотова, Синева, Ленинова, Михайлов, Дертов — с лишением всех прав в не столь отдаленные места. Михайлову всего 21 г., Лубоцкому — 16.

Все обвиняемые держались, как говорят, геройски, не только не отрицая своего участия, но говорили речи, в которых открыто признавали себя революционерами, и говорили, что таковыми всегда останутся. Особенное впечатление произвели речи Заломова, Самылина и Моисеева. Они, да и все остальные, говорили, каким путем пришли к своим убеждениям.

Все держались на общей почве; во втором процессе почти ничего не говорили о самом факте 5 мая. Защитникам мало что оставалось говорить; некоторые даже жаловались, что обвиняемые так хорошо говорили, что трудно сказать лучше, да и опасно говорить лучше — самим можно попасть на скамью подсудимых, хуже же говорить было бы стыдно.

Главная роль защитников состояла в поддевании и уничтожении свидетелей. Надо им отдать справедливость, делали они это артистически.

Теперь по городу масса анекдотов: напр., спрашивают одного свидетеля, повидимому, сыщика; он отвечает на все вопросы все, как следует, кончает, и председатель спрашивает: «Можете еще что-нибудь сказать, свидетель?» и свидетель отвечает: «Нет, больше начальство не приказало».

Поддели здорово также директора Сормовских заводов. Он хвастался, как хорошо живет рабочим, завод устроил больницу, школу. На одну школу тратится 3.000 руб. в год. Защитник спрашивает, правда ли, что с жалования рабочих берется определенный процент. Директор успокаивает, что процент не велик, всего копейка с рубля, жалованья же рабочим в месяц выдается очень много, слишком 30 тысяч. «Так вы думаете, что завод на свои средства содержит школу?» — спрашивает защитник...

Обвинены все по 252 ст., только со смягчением на 2 степени.

Говорят, речь прокурора была очень коротка и странна; во втором процессе он сказал, что обвиняемые столько насадили о себе, настолько себя обвинили, что ему нечего прибавить. Насколько свободно давали высказываться обвиняемым, показывает тот факт, что Моисеев кончил свою речь словами: «Долой самодержавие!»...

Саратов. Таких массовых арестов, как в ночь на 1 ноября, здесь не запомнят. Очевидно, саратовское отделение его жандармского величества предполагало ко дню суда над демонстрантами (4/XI) очистить город от «неблагонадежных» элементов. Однако, старания его не увенчались успехом. Погром мало затронул Комитет, и он продолжает выпускать листок за листком.

Суд над демонстрантами (4—7/XI) прошел тихо. Безлюдно (если не считать за людей, шнырявших в массе шпионов и полицейских) было на улицах вокруг суда, как безлюдно было в самом зале суда — присутствовали одни женщины, матери и жены подсудимых: воля монарха закрыла двери суда даже для членов палат и председателя окружного суда. Обвиняемые заранее предвидели, что суд окажется трагикомедией с заранее предписанным решением, и некоторые из них отказались от защиты (Воеводин, Ефимов, Фофанов, Ошанина). И в своем приговоре, в своем отношении к подсудимым, суд оправдал это предвидение, но вместе с тем перед ним словно носился призрак грядущей революции и заставлял его высказывать возможную нелицеприятность. Это особенно проявилось при допросе свидетелей обвинения. Жандармское дознание, признанное судебным следствием, на суде было окончательно уничтожено и даже изобличено в подлоге. Судья Лазаревский, подавший потом голос за оправдание подсудимых, заставил свидетелей-полицейских признаться во лжи и подтвердить, что приказание «разойтись» не было. Единственно это избавило товарища Ефимова от каторги. Один из свидетелей обвинения заявил, что его весенние показания были сочинены жандармом Zubовым. Все свидетели обвинения были изобличены в прямом прикосновении к сыску; ни один не дал тех же показаний, что весною, ни один не признал в лицо тех обвиняемых, против которых лжесвидетельствовал.

И тем не менее, большинство членов суда (Стельмакович, Ухтомский, Арсеньев) высказалось за обвинение. Позорно вел себя председатель суда, лишивший подсудимых последнего слова. Лишь только т. Фофанов, излагая мотивы своей деятельности, начал свою речь: «Я соц.-демократ...», как сейчас же был прерван председателем: «Мы знаем, что вы соц.-демократ». Ошанина была обворована председателем после двух-трех фраз. Все это настолько возмутило всех подсудимых, что Ефимов вскричал: «Я презираю эту судебную трагикомедию», а Архангельская резко протестовала против поведения председателя и заявила о своем сочувствии и солидарности с товарищами. За это именно она и идет на вечное поселение — из следствия явствует, что Архангельская не была на демонстрации.

Говорить удалось одному только т. Воеводину. «Два года тому назад,—сказал он,—когда я работал в Екатеринославе, меня арестовали по причине, которая и до сих пор мне неизвестна, и выслали под надзор полиции в чужой для меня город — Саратов. Здесь, терпя голод, холод и всеческие лишения, тщето выпрашивая работу и всякий раз теряя ее вследствие настоящих полиции, испытывая унижения от любого городского и всяких других прислужников царского правительства, я 16 лет впервые понял, что моя беда лишь частица общего горя и гнета, которые тяготят над всей рабочей массой. Что наши враги — капиталисты, выжимающие из нас соки, царское правительство, всецело стоящее на их стороне и мешающее вести борьбу за наши интересы. Мне как и всему рабочему классу, не оставалось ничего другого, как выйти на улицу и кричать: „Долой капиталистов, долой самодержавие“. Участвуя в демонстрации, я исполнил свой долг, поэтому я требую для себя полного оправдания».

Из речей защитников замечательна пылкая речь спб. прис. пов. Волкенштейна. Указав на растущее сознание народных масс, на все учащающиеся проявления народного протеста, на всю политику самодержавия, заставляющую бороться с ним всех сознательных людей, защитник сказал: «...Здесь, на скамье подсудимых, сидят люди, принадлежащие к партии, которая спасет Россию!».

Приговор: 1) Архангельская Надежда, бывш. курсистка; 2) Бочкарев, ветер. врач; 3) Ефимов Василий, раб.; 4) Косович, б. студ.; 5) Ошанина, б. фельдш.; 6) Губаровская Анисья, б. фельдш., и 7) Фортунатов, стат. — к лишению всех прав и ссылке на вечное поселение; 8) Бударина, фельдш., и 9) Воеводин, раб. — 2½ г. тюрьмы; 10) Сарапу-

лова — 3½ г. тюрьмы. Григорьева, Дьякова, Фоминых и Штейнберг — освобождены.

Горько и тяжело здесь у всех на душе от этого приговора, но вместе с тем, весь этот суд — и самый способ суда, и эти закрытые двери, все поведение ссылаемых товарищей, защитников и самих судей невольно заставляет убеждаться, что это «вечное» поселение не будет таким. Пусть самодержавие прячется за закрытыми дверями судов, пусть оно в последней агонии ссылает и вешает борцов за свободу, — наемной шайке лживых и гнусных шпионов, какая дефилировала в суде, мы противопоставим сознательную и солидарную армию рабочего класса, и раскроются, наконец, двери всероссийской тюрьмы. Что приговор не запугает, а лишь заставит с еще большей энергией бороться всякого, в ком рождается мысль и живет чувство, — это слишком ясно. И если теперь выхваченные жандармами из толпы демонстранты показали яркий пример нравственной мощи, то близко уже время, когда большинство сознает, что это его дело сказать последнее и решительное: «Долой самодержавие!».

Исключение подтверждает правило. Мы не раз уж высказывались по поводу уездных комитетов и недостаточности их законной оппозиции незаконному самодержавию. Тем более необходимым считаем мы отметить отрадное «исключение» и привести целиком присланные нам доклад Мартынова и речь Бунакова, которые нашли в себе элементарное мужество высказать прямо и откровенно свои давние, затаенные убеждения. Проходит уже, к счастью, такое время на Руси, когда затаенные убеждения можно было считать действительными убеждениями...

«Доклад в Воронежский уездный комитет о нуждах сельско-хозяйственной промышленности члена комитета С. Мартынова: Современное критическое положение сельско-хозяйственной промышленности и громадное значение этой отрасли народного хозяйства, как основы сельско-хозяйственной жизни России, побудили правительство передать вопрос о нуждах ее на обсуждение местных полу-официальных учреждений и допустить к участию в последних различные и случайные элементы общественные. Само собой разумеется, что общество должно отнестись к этому факту с надлежащей осмотрительностью и не брать на себя таких задач, которых оно при современных условиях выполнить не в состоянии. Правительство уже однажды использовало этот путь, когда в 1894 г. обратилось за выяснением нужд с.-хоз. хозяйственных к земским учреждениям, и последние, при помощи своих стат. и с.-хоз. организаций, собрали и представили по этим вопросам огромный материал, громадная ценность которого, как в количественном, так и в качественном отношении, нашла себе надлежащую оценку в речи, произнесенной бывшим мин. вн. дел в первом заседании Особ. Сов. Таким образом, фактическое положение дел в настоящее время известно правительству. Тем не менее, последнее нашло необходимым дополнить этот огромный фактический материал и в инструкциях местным комитетам указало, что, кроме специальных вопросов, предложенных на их обсуждение, комитеты могут иметь суждение также и об общих вопросах, имеющих отношение к с.-хоз. промышленности. Таким образом, правительство само пришло к убеждению, что нужды сельского хозяйства так тесно переплетаются с вопросами общегосударственными и до такой степени зависят от того или иного решения последних, что отделить их друг от друга невозможно; с другой стороны, что огромный фактический материал, собранный земствами, все-таки не дает ключа для разрешения многих вопросов с.-хоз. хозяйственной промышленности именно потому, что последние рассматривались изолированно, без отношения к современному политическому и финансовому положению страны. Современный упадок с.-хоз. промышленности отнюдь не является случайным или местным. Хронические голодовки населения, уничтожающие огромные количества сельских хозяйств, захватывающие из года в год огромные районы в различных полосах России, а также аграрные движения, вспыхивающие со стихийной силой в различных, отдаленных друг от друга, местностях, доказывают, что причины с.-хоз. кризиса лежат глубоко в основах современного

политико-экономического строя страны и, завися в незначительной степени от местных условий, не могут быть устранены местными, случайными мероприятиями. Таким образом, при обсуждении нужд с.-хоз. промышленности, в комитетах неизбежно должны возникнуть и обсуждаться вопросы общегосударственные, а затем уже частные специальные вопросы. Между тем, ни состав местных комитетов, ни юридические полномочия их не могут дать ни правительству, ни обществу достаточной гарантии в том, что эти огромной важности вопросы будут поставлены и обсуждены с надлежащей полнотой и всесторонностью. Благодаря устранению выборного начала при составлении комитетов и пополнению их лицами, занимающими известное административное положение, члены комитетов отнюдь не являются законными и уполномоченными представителями нужд местного населения и потому, конечно, не могут взять на себя проектирование частных мероприятий, полезность которых для местного населения может оказаться в значительной степени проблематичной. При своем случайном составе, в значительной степени зависящем от благоусмотрения администрации, местные комитеты, не располагая организацией земских учреждений, не имеют ни времени, ни возможности собрать и дополнить фактический материал, который в свое время был собран и представлен земскими учреждениями, а устранение выборного крестьянского элемента из состава комитетов лишает их прочной связи с местным земледельческим населением, нужды которого они призваны выяснять. Наконец, при современных условиях члены комитета не имеют элементарных гарантий личной безопасности для свободного и объективного обсуждения вопросов общегосударственного характера. При таких условиях деятельность Воронежского уездного комитета не может дать никаких плодотворных результатов для выяснения нужд сельского хозяйства Воронежского уезда, а потому необходимо высказаться перед правительством за неотложность передачи вопроса о нуждах с.-хоз. промышленности и неразрывно связанных с ним общих вопросов правового и экономического благоустройства страны на обсуждение законного всероссийского и всесословного представительного учреждения с тем, чтобы входящим в состав его выборным людям была гарантирована законом необходимая для обсуждения государственных вопросов свобода слова и личная безопасность. Подано 26 августа 1902 г. Гор. Воронеж».

Речь Н. Ф. Бунакова: «Я хотел бы сказать несколько слов о предлагаемых нам занятиях с общей точки зрения, но сказать искренно, откровенно. Думаю, что это и нужно в настоящее время. Просматривая программу возложенных на уездные комитеты занятий, я вижу, прежде всего, в этой программе почти исключительно только частные практические вопросы о тех или других мероприятиях для поднятия в России погибающей с.-хоз. промышленности. Из этого ряда вопросов, более или менее детально обнимающих все стороны с.-хоз. промышленности, видно, что у нас, наконец, сознали печальное положение этой промышленности и предвидят его угрожающие результаты, но, к сожалению, без достаточного внимания относятся к причинам, вызвавшим это положение. А это очень жаль, потому что без устранения этих причин никакими частными мероприятиями нельзя поправить дела и предупредить надвигающиеся грозные последствия его современного положения. Ведь, упадок с.-хоз. промышленности в России только один из симптомов общей отсталости нашего отечества от других стран, т. е. явление не самостоятельное, а необходимо вызываемое общим неудовлетворительным строем русской жизни, государственной и народной, чуждым всей Европе, кроме разве Турции: полное бесправие личности, подавленность всех общественных сил, отсутствие свободного слова и независимой печати, антагонизм, даже вражда и взаимное недоверие сословий*, жалкое положение школы и ужасающее неве-

* Антагонизм и вражда «сословий», а тем более классов, не чужда свободной Европе. Оратор, как и все русские либералы, стоит на точке зрения буржуазной демократии. Он хочет свободы, воображая или мечтая, что она расчистит дорогу для примирения и гармонии

жество массы. Более четверти века мы упорно стоим на одном месте, а то и пятимся назад, когда вокруг нас все и все стремительно идут вперед по пути освобождения личности, расширения общественной самостоятельности, просвещения и очеловечения народных масс. При этом общем стремительном движении вперед уже и стояние на одном месте равносильно движению назад. Общий застой русской жизни, как понятно само собой, не может не сопровождаться и обеднением народа, и упадком народной нравственности, и многими другими печальными явлениями, а между прочим, и упадком с.-хоз. промышленности. При таких условиях думать и толковать о каких-то частных мероприятиях, вроде учреждения с.-хоз. инструкторов и коопераций, опытных полей, укрепления оврагов и т. п. — дело бесплодное, скорее вредное, нежели полезное, потому что оно будет только отводить глаза от настоящего дела. Понятно, что честные специалисты на такое предложение ответят: „Чего тут толковать о замках и ватерклозетах, когда дом валится. Надо его разобрать, да строить заново“. То же самое и в нашем деле: надо думать и толковать не об инструкторах да опытных полях, а о коренном изменении всего строя русской жизни. На мой взгляд, прежде всего, необходимо немедленное восстановление в полной мере всех освободительных начинаний, которыми ознаменовалась первая половина царствования имп. Александра II, которые остались незаконченными в свое время, а потом подверглись печальным изменениям и урезкам. В самом деле, возьмем хоть освобождение крестьян: разве оно было закончено, без достаточного земельного надела, без гарантированного крестьянского самоуправления, благоустроенной народной школы, даже без избавления от тяжелого наказания? Председ.: Я прошу вас, Н. Ф., держаться ближе к с.-хоз. промышленности. Бунаков. Ее-то я и имел в виду. Возьмем ли наш новый суд: что осталось в нем в настоящее время от идеала, начертанного в Суд. Уставах Александра II? Председ.: Я все-таки прошу вас держаться ближе к с.-хоз. промышленности. Бунаков: Возьмем ли мы наши земские учреждения: какие черты истинного, а не призрачного самоуправления сохранились в настоящее время в этих учреждениях, связанных по рукам и ногам, отданных в полное распоряжение административного произвола... Председ.: Я, как председатель... мне приходится руководить прениями, потому прошу вас не уклоняться... Бунаков: Затем столь же необходимо неотложное и последовательное развитие тех освободительных начинаний в смысле полного проведения их в жизнь в законном виде, в смысле возбуждения личной инициативы и привлечения свободных общественных сил ко всем сторонам народной жизни, чтобы в России создалось истинное, а не призрачное самоуправление. Тогда у нас поправится сама собой и с.-хоз. промышленность. Пока мы решительно и бесповоротно не двинемся вперед в этом направлении, до той поры русским честным людям приходится уклоняться от всяких совещаний о разных частных мероприятиях, оставаться в безотрадном положении зрителей постепенного, но неизбежного обеднения и увядания отечества. Это очень тяжело, очень грустно, но что же делать: как в старину говорили русские люди: „против рожа трудно прати“.

«Это все, что я хотел сказать».

Лицо, приславшее нам доклад Мартынова и речь Бунакова, добавляет: «Заседание комитета было бурно; речь Бунакова произвела сильное впечатление. Говорят, был очень хорош и доклад управы. В результате „боевого натиска“ земцев получились след.: Бунаков арестован и отправлен в Питер; Мартынов арестован; Шербине и какому-то гласному запрещен выезд из Воронежа; у 12 гласных произведены обыски; председатель Алисов, предводитель дворянства, смещен с должности; губернатор Слепцов тоже. Устранение от должности предводи-

интересов «сословий», а вернее: классов. Социалистический пролетариат борется за свободу, зная, что, уничтожая или подрывая сословные перегородки, она обострит классовую борьбу, и желая не затупить эту борьбу, а сделать ее более широкой, более открытой, более сознательной.

Р е д.

теля Алисова возмутило других предводителей, и большинство из них подает в отставку. Говорят, что один предводитель поехал в Ливадию, чтобы побывать у государя, но жандармерия вернула его с дороги».

* * *

Дополнение. Мы только-что получили известие о финале расправы с воронежскими «крамольниками»: С. В. Мартынова продержали две недели в тюрьме и выслали на три года в один из уездов Архангельской губ., Н. Ф. Бунаков выслан на 3 года в Новгородскую губ. Все воронежское дело разыгралось по доносу г. Бехтеева, задонского гласного.

Избавление студентов от Сибири или, вернее, Сибири от студентов.

«Секретно».

«Во исполнение Высочайших указаний для выяснения степени возможного облегчения участи лиц, подвергнутых высылке под гласный надзор полиции в пределе Азиатской России за участие в беспорядках, происшедших весной 1902 г. в высших учебных заведениях Петербурга и Москвы, товарищу Мин. Внутр. Дел Святополку-Мирскому поручено было собрать сведения о поведении этих лиц на месте их пребывания и личным опросом определить, насколько наложенные на означенных лиц административные взыскания соответствуют учиненным ими проступкам.

«По Всеподданнейшему докладу Мин. Внутр. Дел представленных Святоп.-Мирским сведений, Государь Импер. в 13 день сего сентября. Всемилост. повелеть соизволил:

«I. студентов С. П. Унив.: Аблова, Дыбовского и Таскина, студ. М. У.: Тер Авакова, В. Добромислова, С. Дрепера, А. Игнатъева, Кошкарева, В. Корякина, А. Фовицкого, М. Переломова и Шальет, студ. М. Сельск. Ин. Ад. Мосалинина, дв. Яценко, фельдш. Ф. Голяк, А. Пинегину и дом. учит. М. Фелицину — освободить от гласного надзора полиции и предоставить им повсеместное в империи жительство, ограничив лишь доступ в обе столицы по 1-е июня 1903 г., если ранее на жительство в этих городах не последует разрешение местного начальства.

«II. Студ. С. П. У. И. Соколову, студ. С. П. Техн. Инст. И. Китаеву, студ. Горн. Инст. В. Половникову и Глебу Бокину, студ. М. Ун. И. Урысону, Костецкому, Костюкевичу, В. Макарову, Л. Мееровичу, В. Ополовникову, В. Орлову, Л. Пересу, Г. Пиккоку, Г. Праздникову, Л. Саврасову, Соболевскому, П. Селенову, М. Терехову, Царику, Позерну, В. Гарбузову, А. Сыромятникову, Л. Залыгину, В. Савкову и Н. Сегеди, студ. М. Тех. Уч. Ю. Балталону, В. Добровольскому и В. Котельникову, студ. М. Сельск. Инст. В. Колокольникову, студ. Лазар. Инст. С. Киреевскому, слуш. Моск. Квр. Е. Найгебауер, В. Зотовой, Е. Второвой, А. Зайцевой, Л. Пекур, фельдш. Н. Устиновой, двор. Н. Новодворской и Андреевской, помощн. прис. пов. Волкову, мецан. В. Икову, крестьян. В. Глебову — сократить гласный надзор полиции с таковым расчетом, чтобы срок оно-го истек 1 июля 1903 г., освободив их от водворения ныне же в Сибирь, если по семейным и родственным отношениям, а также по условиям материального обеспечения, перевод их в одну из местностей Евр. России, за исключением универ. городов, Риги, Екатеринослава, Ярославля и Новой Александрии, представляется возможным.

«III. Студ. С. П. У. Ад. Корндорфу, ст. С. П. Техн. Инст. Н. Богатыреву и И. Трубке, студ. М. У. И. Церетелли, В. Абрамовичу, И. Баеву, В. Волгину, В. Бибегалову, Ю. Будилевичу, И. Борисову, Л. Зильбербергу, Камрокову, Касаткину, Б. Белоусову, А. Лосеву, Е. Первухину, Свешникову, А. Ховрину, Г. Чулкову, М. Шейцеру, А. Швгаму, Г. Шеголеву, Н. Алфееву, В. Боголюбову, И. Вейнштоку, А. Гейну, Н. Голике, П. Дрейеру, М. Киселеву, Л. Квшену, Н. Метальникову, К. Михееву, В. Нанейшвели, В. Пермикину, Радус-Зеньковичу, В. Рудневу, А. Соколову, А. Туманову, А. Турусову, У. Целикману, Е. Засоренному, ст. М. Тех. Уч. С. Сбитникову, Н. Столыпину, Н. Белову, И. Грабовникову, И. Ильину, И. Королю, И. Н. Кудряеву, ст. М. Сельск. Инст. И. Кожевникову, И. М., студ. Моск. Инж. Уч. И. Ратнеру, слуш. М. Курс. А. Барсовой, А. Мечниковой, Л. Николаевой и К. Панфиловой, дом. учит.

А. Полляк и Е. Алексеевой, фельдш. А. Лосевой — разрешить с 1 июля 1903 г. переселиться в Евр. Россию в избранные для жительства места, помимо универ. городов, Риги, Ярославля, Екатеринослава и Новой Александрии, с оставлением их под надзором полиции до 1 марта 1904 г.

«О таковом Высочайшем Повелении имею честь уведомить Ваш. Превосх. в дополнение к телеграмме от 16 сент. с. г. для зависящих распоряжений и объявления вышеуказанным лицам, присовокупляя, что по вопросу о возможности представления перевода в Евр. Россию лицам, указанным в категории II, Мин. Внутр. Дел войдет в обсуждение о каждом лице особо, по получении соответствующих заявлений от их родителей или родственников и надлежащих сведений».

Мы слышали, что наше министерство вн. дел, озабоченное изысканием мер по обеспечению полного политического воспитания учащейся молодежи, решило отныне всегда отправлять «бунтовщиков» из ее среды на полгода или на год в такие места, где есть достаточное количество «политических преступников».

Казань. Полиция зачем-то из кожи лезет, чтобы раздражить студентов. Про некоторые ее проделки в этом отношении нам пишут: «Недели три тому назад здесь отравилась девица Акшаева. невеста захваченного в тюрьму студента технолога. Студенты и некоторые профессора университета оказали большое участие к подготовке ее погребения. Но полиция узнала все это, утром рано взяла труп ее из клиники и похоронила его сама. Когда известие об этом дошло до студентов, последние решили отправиться на могилу и возложить венок. Процессию встретила полиция. Пристав, предупредив, что не может этого допустить, предложил передать венок ему. Студенты отвечали, что им впервые приходится встречаться с фактом, где бы погребальный венок возлагался не на могилу, а на благополучно здравствовавшего полицейского чиновника. В это время из сараев и сторожки кладбища выбежали городовые, оцепили студентов и отправили в часть».

«5 ноября в университете был акт. Полицеймейстер приказал закрыть рестораны и пивные. Вечером было столкновение студентов с полицией; последняя забрала в часть 70 ч. универсантов, ветеринаров и штатских. На другой день часть арестованных была выпущена, а другая — 20 чел. — сидит еще и теперь».

«9 ноября, после окончания оперного спектакля в пользу студ.-ветеринаров, было ожесточенное столкновение студентов с полицией. Были пушены в ход нагайки, многих избили и подавили лошадьми. Особенно бесчеловечно избили одного студ.-ветеринара. Было арестовано 50 чел., среди которых попались: прис. пов. Петропавловский с женой, два военных врача и мн. др. 8 студ.-ветеринаров задержали, остальных выпустили. Поверенного и военного врача оштрафовали — первого на 100 р., второго на 50 р. Что будет с остальными — неизвестно».

«Казань, 14 ноября 1902 года».

«К учащимся средних школ» обращается следующее, недавно вышедшее на юге воззвание:

«Товарищи! Все сильнее и сильнее разгорается борьба за освобождение нашей родины от гнетущего ее ига самодержавия. Все громче и громче раздается могучий клич пролетариата, сзывающего под свои красные знамена всех честных и мыслящих граждан России... Борьба разгорается... Движение разрастается вглубь и ширь, захватывая все новые слои общества: крестьянство, студенчество, земство. Не могли ему остаться чуждыми и мы, учащиеся в средних школах. В последние годы, годы ожесточенной борьбы с самодержавием, учащиеся средних школ всей России признали неотложную необходимостью организацию всех сил школы. В марте 1901 года появляются на юге России три «письма к учащимся средних школ», выясняющие необходимость борьбы за политическую свободу, излагающие ход революционного движения и призывающие к всестороннему изучению социального вопроса. В Петербурге и Тифлисе образуются „Комитеты средне-

учебных заведений“, обращающиеся к учащимся и обществу с воззваниями, указывающими на положение нашей родины, на господствующую тенденцию в деле нашего среднего образования и на ход революционного движения. В начале мая в одном из южно-русских городов было положено основание новому союзу учащейся молодежи — Южно-Русской группе учащихся средних школ. Образовавшись в конце учебного года, она успела выпустить только одно воззвание к выпуску 1902 года. Все лето прошло в живой агитационной работе, — и в конце августа группе удалось созвать съезд из представителей средних школ нескольких южных городов. После оживленных прений съездом были приняты следующие резолюции: „1) Съезд признает, что наша средняя школа не может удовлетворить самым скромным требованиям молодежи, жаждущей знания, не дает ей ничего живого, бодрящую душу, ничего не делает для пробуждения в ней высших интересов, для ее умственного и нравственного развития; для подготовки ее к общественной деятельности; — более того, — она забивает в своих питомцах стремление к свету и истине, к серьезному научному познанию. Съезд признает, что только собственными силами может учащаяся молодежь достигнуть того, что должна была бы дать ей школа. 2) Съезд видит коренную причину ненормального положения нашей средней школы в социально-политическом строе самодержавной России, при котором интересам монархической власти приносятся в жертву интересы народа вообще, интересы народного образования в частности. Съезд считает невозможным коренную реформу средней школы без изменения всего социально-политического строя России. 3) Видя назначение интеллигенции в служении народу, съезд считает необходимым подготовить к нему учащуюся молодежь. Съезд признает насущною задачею российской интеллигенции внесение в среду трудящихся классов русского народа пропаганды социалистических принципов. 4) Признавая, что сила молодежи не только в сознании, но и в единении, и считая пока неосуществимою мысль о создании всероссийской организации учащихся средних школ, съезд признает необходимым создание единой организации для всех южно-русских средних школ. Съезд признает необходимою организацию Центрального Комитета группы, который ведал бы все дела группы и сношения ее местных комитетов. Съезд поручает Центральному Комитету вступить в товарищеские сношения с другими порайонными организациями учащихся средних школ. 5) Съезд признает необходимым издание журнала, посвященного нуждам и интересам учащейся молодежи. Съезд поручает издание журнала Центральному Комитету“.

«К началу октября Центральный Комитет окончательно организовался и начинает интенсивную революционную работу. Широкая культурная работа — организация кружков самообразования, библиотек и читален, которые доставляли бы учащимся здоровую духовную пищу; — издание печатного органа, посвященного изучению социального вопроса, дающего научное обоснование социального движения; ознакомление учащихся с ходом этого движения, разъяснение им соотношения движущих его сил, посредством распространения в широкой массе учащихся нелегальной литературы, как своего издания, так и общерусской социал-демократической — вот основные пункты программы деятельности Южно-Русской группы и ее Центрального Комитета».

«Центральный Комитет призывает всех товарищей-учащихся, в ком растлевающий режим средней школы не успел еще заглушить душу живую, оказать содействие начинаниям группы. Тех из них, которые уже признали необходимость борьбы с произволом и насилием, он призывает все более и более работать для ниспровержения существующего строя, занимаясь всесторонним изучением социального вопроса и внося посильную лепту в дело освобождения нашей родины. И когда мы выйдем, наконец, из стен средней школы, не давшей нам ни воспитания, ни образования, ни развития, — когда мы вступим, наконец, в новую жизнь, жизнь, полную борьбы с могущественными и грозными врагами, — мы сможем смело, без страха и сомнений, вступить в ряды активных борцов святого воинства свободы, под гордо развевающиеся красные знамена российской социал-демократии. Центральный Комитет Южно-Русской группы учащихся средних школ»¹⁴.

* * *

Приветствуя от всей души энергичный почин учащихся, мы со своей стороны дадим им такой товарищеский совет: Старайтесь сделать главной целью своей организации самообразование, выработку из себя убежденных, стойких и выдержанных соц.-демократов. Отделяйте возможно более строго эту крайне важную и необходимую подготовительную работу от непосредственной практической деятельности. Старайтесь при вступлении (и до вступления) в ряды действующей армии завязывать самые тесные (и самые конспиративные) сношения с местными или общерусскую соц.-дем. организациями, чтобы вам не пришлось приступать к делу в одиночку, чтобы вы могли начинать уже не с начала, а продолжать сделанное раньше, становиться сразу в ряды и шеренги, двигать вперед движение, поднимать его на высшую ступень.

Проделки зубатовцев. (Рассказ рабоч.) С.-Петербург.

...«В мое отсутствие приходит ко мне на квартиру молодой человек и спрашивает меня. Хозяйка знала, что меня дома нет, и спросила пришедшего фамилию. Он ответил: „Коноплев меня не знает, но у нас есть общие знакомые, я приезжий, тороплюсь, зайти сюда больше не могу, а повидаться со мною можно в Юсуповском саду; в такой-то день и час пусть приходит в сад с подвязанной белым платком щекой“. Хозяйка передала слова незнакомца и обрисовала мне его наружность. В условленный час и день прихожу в сад, сажусь на скамейку с подвязанной щекой. Подходит молодой человек и спрашивает: „Вы будете Коноплев?“ — Я. — „Позвольте с вами познакомиться, я от таких-то; пришел предупредить вас, что у меня в девять часов будет литература“. — Хорошо, сказал я. — „Как у вас отзываются о смерти Сипягина?“ — спрашивает мой новый знакомый. — „У нас все говорят: «туда ему и дорога»“. — „Как у вас в массе движение рабочих?“ и еще несколько вопросов в этом духе. Не называя своих знакомых, я сказал, что масса возбуждена. „Пойдемте ко мне на квартиру“, — пригласил он меня. Мы отправились. На квартире он знакомит меня с товарищем (черный, как цыган). Тот начинает разговор на те же темы. Несколько минут спустя черный господин выходит, предупредив, что сейчас вернется. Минут через пять является уже в форме жандармского полковника. „Молодой человек, вы слишком доверчивы, — начал жандарм. — Доверяться так нельзя, видите, вы попали в просяк“. — „Я говорил все прямо, как оно есть, а если вы меня обманули, то можете арестовать“. Они были со мной очень любезны и даже не угрожали, что меня арестуют, а только пригласили куда-то поехать. Взяли извозчика и приехали в Охранное Отделение.

«Там со мною был уже только один черный господин и был так любезен, что у него для меня явились и папиросы, и ужин, и комната (с дубовой дверью и с решеткой). — „Это вас мутит все подпольная интеллигенция, — начал он, — она всему виной... Вы ей доверяете, но знайте, что вы от этого ничего не выиграете; она вас вводит в заблуждение“. Продолжая в таком же роде, жандарм почти не давал мне говорить. „Ну, пусть интеллигенты хлопочут, о чем знают, но рабочим вовсе не к чему мешаться в эти дела. Правительство для рабочих сделает все: и восьмичасовой рабочий день и подымет заработную плату. Но вдруг: «долгой самодержавие!» это уж нигде не годится. Все время боролись за повышение заработной платы, и вдруг ни с того, ни с сего: «долгой самодержавие!». Интеллигенцию мы знаем, как пальцы на руках, и если какой интеллигент идет в рабочие кварталы, то это нам всегда известно, но, ведь, рабочих выслеживать трудно“. — „Это мы знаем и без вас“, — заметил я. — „Знаете, бросьте все это, всю эту чушь, а мы вам дадим место, куда вам вздумается, вы дайте слово, что не будете больше распространять литературы“. Я отказался. Разговор продолжался до 12 час. ночи с шести час. вечера, а на другой день опять то же до четырех часов вечера.

«Показывая „Искру“ и картинку „пирамиду“: „Мы царствуем над вами, мы правим вами, мы морочим вас“. Пи-

рамиде давали такое объяснение: „Видите, как далека масса народная от государя, а, ведь, ему надо удовлетворить по очереди: сначала дворянство, попов, купцов и потом уже и рабочих“. Я ответил: „Не лучше ли, чтобы маленькая кучка зависела от большой, а не большая от малой, т. е. не лучше ли перевернуть вверх ногами эту картину?“. — „Говорили потом и про Западную Европу и про парламент в Германии и о многом другом. „Если хотите, — говорит потом, — читать литературу, то можете брать у нас, какую угодно. Мы получаем всегда раньше рабочих. Но только с условием: никогда не распространять“.

«Усердно предлагали папиросы и еще усердней давали понять, чтобы поступил к ним на службу... Прямо, конечно, не говорили, что желают иметь своим коллегой, а понять давали».

Рязань. Наша монотонная провинциальная жизнь ничем не нарушается... революционная деятельность, которую было проявили наши «социалисты-революционеры» среди городской интеллигенции, учащейся молодежи и заводских рабочих, временно заглохла — многие рабочие, приехавшие сюда из Москвы, Иваново-Вознесенска, Ярославля, разбрелись в разные концы России в поисках за работой — кризис все время дает знать о себе.

Положение местных заводов очень печальное — дела здесь идут очень плохо. На заводе «Рязанского товарищества» осталось сто с небольшим мастеровых из всего числа около 400 человек. На заводе Антоновича положение дел не лучше: недавно сгорела котельная мастерская, так что контингент безработных увеличился на новые десятки...

На завод Полякова и К^о назначен новый управляющий Левонтин (бывший начальник узко-колейной Тульской ж. д.). Этот господин слывет за ярого сиониста, участвует на еврейских собраниях, где читает рефераты «К истории еврейства», был на конгрессе сионистов — одним словом «образованный и гуманный еврей», успевший уже зарекомендовать себя тем, что был побит за свои проделки рабочими узко-кол. ж. д. Пока еще на заводе ничего нового не предпринимает. На заводе Полякова работают 10½ часов в день, за последнее время была введена сдельная работа.

Благодаря прижимкам со стороны администрации, на заводе часто происходили волнения — местная «соц.-дем. группа» вела деятельную агитацию, распространяла среди заводских рабочих соц.-дем. литературу, прокламации. Но после январского провала 1900 года деятельность соц.-демократов была парализована, многие сознательные рабочие уехали из Рязани и движение надолго замерло. Последние годы агитация и пропаганда велась «социалистами-революционерами».

Группа эта выпустила в течение прошлого года несколько прокламаций: «К обществу», «К рабочим Полякова и К^о», «Ко всем русским рабочим», призывая рабочих к политической борьбе и возбуждая к стачкам и волнениям, — но воззвания эти, благодаря своей отвлеченности и абстрактному характеру, не имели влияния на рабочих и не вызвали сколько-нибудь серьезного движения.

В местных социалистических кружках, на рабочих собраниях много говорилось о «терроре», «анархизме», «Народной Воле», — но мало уделялось внимания насущной пропагандистской работе, — что особенно вредно отзывалось на молодом рабочем движении, не имеющем опытных руководителей, а «кружки» обыкновенно после каждых арестов и погромов прекращали окончательно свою деятельность, не имея глубоких корней в рабочей массе.

Так, мы можем видеть это в деятельности «соц.-револ.»: эпидемия прокламаций, литературы, боевой агитации, волнений быстро сменилась, с арестами 2—3 руководителей, всеобщей апатией, и рабочее движение, начавшее было разрастаться, надолго приостановилось. Желаем от души нашим товарищам соц.-демократам избегать таких «ошибок» и побольше уделять внимания насущной работе среди пролетариата.

Что касается жизни «общества», то постороннего наблюдателя поражает общая печальная картина спячки, апатии... оживление «мартовских дней» сменилось, кажется, долгим, непробудным сном.

Так, здесь недавно было земское уездное собрание, на котором было постановлено: ежегодно устраивать съезды народных учителей и учителей Рязанского уезда.

Первый съезд происходил в сентябре месяце, понятно, что съезд этот не имеет права ничего «постановлять», а лишь «высказываться». Вот решения, к которым он пришел: устройство бесплатного пансиона-общежития для детей бедных сельских учителей, учащихся в гимназии и устройство в сельских школах воскресных вечерних занятий. А вот к курьезам наших съездов. Учителям был предложен вопрос: желательно и возможно ли устроить при земских школах сберегательные кассы для детей? Все учителя единогласно высказались против. Тогда встал инспектор народных училищ Дроздов (он же и председатель съезда) и заявляет, что собственно нечего разбирать, желательно это или нет, так как «у нас есть циркуляр об обязательном устройстве касс», нужно лишь высказаться в том смысле, при каких школах это возможно устроить теперь. Бедные «земцы», принужденные разыгрывать жалкую комедию депутатов в земском собрании и лишенные права «сметь» свое суждение иметь!

Так же бесцельна и буднична обстановка и в местной военной среде. В учебн. команде офиц. Петров Нежинского полка, обучая солдат, в числе которых было много вольноопределяющихся, некоторые бывшие студенты, давал, между прочим наставления, как должны поступать рядовые, при выполнении своих обязанностей, с «внутренними врагами». Офицер Петров причисляет к «внутренним врагам» «студентов, рабочих, разную сволочь... и еще девчонок, называющихся курсистками». Говоря о курсистках, офицер разразился рядом циничных, пошлых замечаний по их адресу, и, сообщая о расправе, которую производят над ними казаки нагайками, он давал ряд советов, сопровождажая соответственными телодвижениями, выходящими по своему грязному цинизму из всякого предела. Таких негодяев, как Петров, особенно много в нашем провинциальном городе, и они, конечно, никого не удивляют своей наглой бесстыдностью, да и можно ли ожидать иного отношения к «внутреннему врагу» от постоянного завсегдатая кабака и публичного дома!

В нашей тюрьме содержится в настоящее время окончивший гимназию Виноградов и двое семинаристов по политическим делам — сидят, как обыкновенно, в одиночках-башнях.

Виноградов взят в Сапожке и, пробыв несколько времени под арестом, перевезен в Рязанский тюремный замок.

Либава. Нас просят поместить следующее заявление:

В № 6 «Листков Жизни» и во многих других нелегальных русских изданиях было напечатано или перепечатано сообщение из Либавы, что там арестованных на собрании за городом 18 апреля 1902 г. женщин-работниц подвергли медицинскому освидетельствованию и выдали им желтые билеты. Откуда взяли корреспонденты это сообщение, не знаю. Знаю только, что ничего подобного, ни освидетельствования, ни желтых билетов, ни даже намеков на это, не было. Арестованные были частью, сейчас же по приходе в участок, освобождены, частью высланы на место жительства этапным порядком, а две (одна акушерка, другая портниха) просидели — первая месяц, а вторая от 2—3 месяцев.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Тверской губ. Значительная часть тверских рабочих не порвала окончательно связи с деревней. Жители ближайших к городу волостей идут домой почти каждый праздник; многие рабочие, поставив за себя «сменщика», уходят в деревню на месяц-два на полевые работы. В лице рабочих этого типа городское мировоззрение приобретает ценных пропагандистов. Зачастую освоившиеся с кругом тех «вредных идей», которыми так богата теперь жизнь даже провинциальных городов, они не потеряли ключа к пониманию жизни деревни, ее горя и радостей, ее запросов и потребностей, и отрицательное

отношение к современному порядку вещей, и положительные требования, выработанные городом, тысячами неуловимых нитей идут в деревню, и деревня чутко прислушивается к тому, что говорит ей город, и начинает шевелиться понемногу, и в той или иной форме высказывать свое сочувственное отношение к веяниям, идущим из города. Таково впечатление лиц, близко стоящих к деревенскому люду. Учесть без остатка огромную духовную работу, которая совершается в деревне, вывести непогрешимо точное обобщение, пока, при скудости фактов, имеющих в нашем распоряжении, невозможно. Нам придется ограничиться несколькими примерами.

Использованная в городе литература постоянно течет в деревню, и не только брошюры и газеты, но и такая специфически-городская литература, как прокламации Тверского Комитета по поводу стачек на той или иной фабрике. Редкий рабочий не уносит с собой листка или книжки, и при встречах с рабочими перед праздниками интеллигентам постоянно приходится слышать просьбу: «Дайте для деревни что-нибудь почитать». Неизвестные добровольцы часто раскидывают и расклеивают городские прокламации на телеграфных столбах, воротах, колодцах. Такое распространение прокламаций вызвало даже набег голубых мундиров на одну деревню. Они поголовно всех допрашивали, но уехали ни с чем. Некоторые листки находят читателей; так, напр., майские (конференции Тверского Комитета) охотно читались по деревенским чайным, и к обладателям листов приходили с просьбой дать на прочтение. Но вообще крестьяне против таких листов: «О нас пишут,—говорят они,—а из-за этих листов только в полицию тягают». Комитетом была сделана попытка удовлетворить потребность деревни в своих листках; была издана листовочка: «Как царские слуги заботятся о крестьянах». В одной деревне ее прочитали на сходе, и крестьяне много толковали о ней. «Но чего же комитет о нас не пишет?» — спрашивали они (в листке говорится о расправе с тамбовскими и саратовскими крестьянами), — ведь и нас помещики притесняют за potravу». Зато отлично шли и идут издания Аграрно-Социалистической Лиги и многие произведения городской нелегальной литературы. Случайно попавший в деревню экземпляр «Ткачей» Гауптмана шел буквально нарасхват. Бойко шли переизданные (под давлением нужды в литературе для деревни) на гектографе «Пауки и Мухи» Либкнехта, «Стачка лжи», «Хитрая механика». Огромным успехом пользуются «Песни борьбы». Нередко в деревне можно услышать хоровое пение песен из этого сборника. Случается встретить крестьян, цитирующих из него целые страницы. Лишний раз приходится убедиться, какое могучее средство воздействия имеет на массу революционная песня. Она всегда продолжит дорогу листку, брошюре, книге... Любопытно отметить, что иногда нелегальная литература развивает вкус к хорошей легальной книжке. Одно лицо, близко стоящее к деревне, рассказывало нам о крестьянине Андрее Т., который побывал в Питере извозчиком и вынес оттуда пристрастие к лубочным изданиям. Попали ему в руки «Песни борьбы» и некоторые другие вещи. Теперь он с презрением отзываясь о своих прежних литературных вкусах и требует хорошей «заправской» книжки.

Вот еще несколько эпизодов из деревенской жизни. В одном из сел во время богослужения на дверь церкви была прибит известная картина «На чем держится самодержавие?», и народ теснился и комментировал ее до тех пор, пока ее не убрали. В одном из сел X-ой волости нашей губернии о. благочинный решил вступить в борьбу с идейным развратом, вносимым фабричными в деревню. В воскресенье, после обедни, он произнес проповедь на тему о греховности стачек (дело было в «эру волнений»). «Будьте кротки и смиренны,—говорил он собравшимся прихожанам,—и довольствуйтесь малым». — «А ты бы, батюшка, тоже малым довольствовался, брал бы за венчание полтора рубля, вместо пяти!» — раздался из толпы чей-то непочтительный голос. Бедный благочинный так растерялся, что, даже не кончив проповеди, ушел в алтарь... В одном из сел южной части Тверского уезда недавно возникло «политическое» дело. Крестьянин в трезвом виде

в клочки изрезал царский портрет. Туда ездили жандармы и арестовали, по слухам, 8 чел.

До чего заразительно влияние города, видно из того, что деревня начинает реагировать на свои домашние злобы дня своеобразными «прокламациями». В одном селе в двух-трех экземплярах было расклеено юмористическое стихотворение, направленное против попа и богатеев. Вкусы деревни тоже своеобразны: стихи эти изобиловали «крепкими» словечками, но имели успех.

О разных других происшествиях, о недороде, положении и настроении крестьян напишем в другой раз.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Русское правительство продолжает посредством беззаконий и насилий водворять в Финляндии самодержавие и уничтожать все следы вековой конституции и политической свободы. Словом, оно вводит в свободной до сих пор стране именно тот разбойнический режим бесцеремонного насилия и полнейшего бесправия «обывателей», против которого ведут отчаянную и самоотверженную борьбу все сознательные русские граждане.

В сентябре правительство опубликовало совершенно незаконные царские указы о смещении финляндских чиновников и судей административным путем, о превращении финляндского сената в канцелярию русского сатрапа в Финляндии, об увеличении власти губернаторов, о предоставлении русским чиновникам прав государственной службы в Финляндии и о запрещении привлечения чиновников к судебной ответственности за проступки, совершенные ими по службе, без разрешения их начальства. Эти манифесты известны читателям из русской легальной печати; кроме того, в последней нашей статье мы выяснили уже их значение. Эти царские беззакония являются грубым нарушением не только финляндских основных законов, но даже и пресловутого манифеста 3 февраля 1899 г., который в сущности отменил финляндскую конституцию. В конце сентября Николай II, по представлению финляндского сената, «всемилостивейше» уволил в отставку без пенсии двенадцать высокопоставленных чиновников, отказавшихся признать преступный новый устав о воинской повинности законом и исполнить требование сената, относившееся к применению этого царского «закона». Нынешний вероломный финляндский сенат «рад стараться» по указаниям гг. Плеве, Бобрикова и К^о и спешит проводить на практике их «благие предначертания». Неслыханный до времен Николая II разгром честных финляндских чиновников-граждан коснулся, главным образом, высших судов: из каждого из трех гофгерихтов уволено по три члена. Агенты российского самодержавия на первых же порах столкнулись с неподкупными финляндскими судьями, отказавшимися плясать по их дудке. Бобриков предлагал даже уменьшить число этих судов, а в сентябрьских указах говорится о предстоящих «реформах» судебного ведомства в Финляндии. Вообще, г. Плеве оказался энергичным «реформатором».

Несмотря на страшный голод в Финляндии, царь недавно приказал совершенно незаконным образом отчислить два миллиона марок из финляндского казначейства русскому военному министерству для покрытия издержек, связанных с проведением новой «военной реформы» в Финляндии. Николай II привык со своими опричниками грабить русский народ; теперь он вздумал расширить поле своей «благотворной» деятельности.

В конце лета еще Плеве издал секретный циркуляр о вскрытии писем в присутствии адресата. Это распоряжение было вызвано тем, что «неблагонадежные лица пользуются почтой для распространения периодических изданий и других произведений печати противоправительственного содержания». Однако, до сих пор мудрая «реформа» русского опричника остается лишь проектом, так как немисливо заставить честных финляндских чиновников совершать тяжкое преступление, за которое закон карает тюремным заключением до двух лет.

Старания Бобрикова, его недавно назначенного помощника Дейтриха, Кайгородова и прочей братии обрुшить мирную культурную страну не имеют границ. Бобриков

не утвердил программы торжественного открытия памятника известному собирателю финской народной поэзии Э. Ленроту, так как он запретил петь финляндский национальный гимн, который поется в Финляндии постоянно с 1848 г. Во время оно Александры II и III слушали его, стоя с обнаженной головой. Времена меняются. Финское литературное общество отказалось от всяких торжеств. Самое открытие 6 октября не состоялось, но «Наш край» демонстративно распевался целый день у памятника недовольной публикой.

Весь финский народ, за исключением все уменьшающейся консервативной старо-фенноманской партии, с каждым днем все более и более убеждается в необходимости свержения самодержавия в России и совместной борьбы с русскими революционерами за политическую свободу. Начав свой преступный поход на Финляндию, российское самодержавие само ускоряет свою неминуемую гибель.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Петербург. В начале текущего года военный министр запросил мнения начальников всех военных заводов и мастерских, поскольку они считают нужным и возможным введение 8-часового рабоч. дня в подведомственных им заведениях. На этот запрос ведомства инженерное и артиллерийское ответили, что проведение этой меры в их мастерских и заводах считают невыполнимым, так как громадное большинство занятых у них рабочих работают от подрабочников, и обязать этих последних нормой рабочего дня значило бы сильно повысить цену подрядов, на что у них не имеется кредитов от министерства. Только от интендантского ведомства, где наем рабочих производится без посредников и где слишком широко и планомерно организовано расхищение казенных денег, чтобы от нововведения можно было опасаться личного ущерба, получен был, хотя и с оговорками, утвердительный ответ. И вот — опубликованный в октябре месяце приказ по военному ведомству вводит 8-час. раб. день (чистой работы) для рабочих интендантских мастерских. Служатся молебны о здравии царя, явившего новое доказательство милостивого попечения о благе народа, произносятся речи о том, как употребить свободное время, как остерегаться социалистов, посещающих храмы божии и пр. Сколько же «народу» облагодетельствовал новый приказ? Ровным счетом 600 человек из 100 тыс. всех занятых в военном вед. рабочих!! Вот уж, поистине, гора мышья родила. Упрямого вояку, Куропаткина, не обезкуражил, однако, полученный им от артиллеристов и инженеров афронт: на-днях он снова разослал секретный (и благодетельствовать надо с осторожностью!) циркуляр к тем же начальникам, в котором «с высочайшего соизволения», озабочиваясь выработкой коренных мер к прочному улучшению положения рабочих, просит самые подробные и точные данные об условиях работы в их заведениях по предлагаемой им программе: о продолжительности раб. дня, о высоте зараб. платы, о гигиенических условиях труда, о том, что сделано для удовлетворения духовных интересов рабочих и пр., и о желательных реформах в этом направлении, при чем неоднократно напоминает, что следует иметь в виду не кажущиеся и паллиативные улучшения, а коренное и прочное изменение положения рабочих. В заключение министр сообщает, что необходимые для реформы кредиты испрашены им на шесть лет.

Мы уже видели, как дебютировал с «приказами» коллега г. Куропаткина в роли «коренного» преобразователя нашего учебного строя, и что из этого вышло; теперь другой военный же мин. взялся за «коренные» изменения, только в уже более солидной и трудной области социальных задач. И во всяком случае нельзя отказать русским военным министрам в решительности. Помещенный в № 27 «Искры» другой циркуляр того же г. Куропаткина объясняет

нам источник его социал-реформаторских начинаний: в его патриархальной, когда-то военной семье за последние годы частенько обнаруживаются случаи «преступной» пропаганды; приятно ли родительскому сердцу при таких условиях видеть в своей семье такого страшного уродца, как рабочий, находящийся с солдатом в постоянном общении по условиям работы?

Что гг. интенданты найдут тысячу средств, чтобы свести к нулю значение введенной реформы, — в этом сомневаться не приходится. Но громадное агитационное значение начатой г. Куропаткиным кампании не нуждается в каких-либо доказательствах, и несомненно, что действующие организации должны широко использовать эту новую правительственную попытку легализации рабочего движения.

Керчь, 16 октября. Как ни трудна работа в маленьком провинциальном городе, но отсутствие строгого жандармского надзора позволило местной интеллигенции образовать рабочую организацию, действовавшую без перерыва с самого начала возникновения в Керчи металлургического завода. Даже полное прекращение производства на заводе, вызванное общим промышленным кризисом, не могло приостановить деятельность молодой рабочей организации, вынужденной, благодаря закрытию завода, перенести деятельность в другую среду, менее благоприятную и доступную для массовой агитации. В период этой работы рабочая организация, помимо образования многих пропагандистских кружков, успела выпустить девять прокламаций, в которых откликалась на важнейшие вопросы как местные, так и вообще русской жизни. Такому успеху деятельности рабочей организации, считавшей всего три года своего существования и не располагавшей особыми средствами и силами, способствовало индифферентное отношение местной жандармерии, не произведшей за это время не только ни одного ареста, но даже и обыска. Это обстоятельство возбуждало недоумение в обществе, окружая имя подполковника Николаева некоторой таинственностью. «Уж не служит ли жандарм революции?» спрашивали себя местные Колупаевы и Разуваевы. Но вот в ночь с 14 на 15 октября жандармом Николаевым были произведены обыски среди местных обывателей, преимущественно из интеллигентной среды. Было произведено десять обысков, результатом которых явился арест трех лиц, и то арестованных по какому-то странному недоразумению. Так, рабочий Афанасов (на землечерпательном караване) был признан неблагонадежным и арестован за найденное у него стихотворение П. Я. «Восемь часов!» У бывшего студента Москаленко найдено стихотворение «Бог» Беранже и басня по поводу отлучения Льва Толстого от церкви, и у третьего, К. Верле, служащего в городском банке, найдено два разных номера «Искры». Вот и вся добыча после десяти обысков, из-за которых была поднята на ноги вся полиция и даже прислали жандармы-гастролеры из Симферополя. Обыску подверглись: бывш. студ. Гусов, учитель соборной школы Зеленкевич, служащий в городской управе Зубов, служ. на землечерпат. караване И. Коган, учитель ремесл. училища Марьяненко, служ. в городской управе Суворов и бывш. студ. И. Шик. У всех этих явно предосудительного ничего не оказалось. Так неудачно закончилось первое покушение на спокойствие обывателей.

С юга. Дела на юге не блестящи. Металлургические заводы продолжают сокращать работы или же приостанавливаются совсем. Толпы голодных, безработных рабочих высылаются на родину, на утешение и без того голодающих деревень. Что же — пусть голодает лучше в деревне; в городе безработный рабочий — горючий материал, в деревне не то: в деревне рабочий может «спокойно» издохнуть от голода. И какая злая ирония судьбы над существующим строем! Имеются фабричные здания, доменные печи, станки, есть чугун, железо, каменный уголь, в стране есть излишек хлеба, излишек русского сахара продается за границей за бесценок, толпы рабочих шатаются без дела, есть все необходимые элементы для производства, — это с одной стороны; с другой — страна ну-

ждается в железных дорогах, в орудиях земледельческого труда, вместо дорог — болота, вместо плугов — деревянные, потребности есть, но все мертво; печи разрушаются, станки ржавеют, рабочие издыхают с голоду, а крестьянин продолжает себе пахать первобытной сохой, а питаться мякиной, вместо хлеба. Что за дело капиталисту и современному государству до того, что есть потребности! Пока еще можно было драть с крестьянина, государство расточало свои деньги на заказы частным заводам, платя за все втридорога. Но Китайская война поглотила много миллионов, русский флот, наша армия — довольно прожорливые животные, а все десять шкур с мужика содраны; остаются одни кости да кожа. Конечно, правительство не побрезгает и последними остатками, но давать, как прежде, заказы — дело трудное. Все-таки на юге надеются на получение заказов. Финансовый гений Витте найдет средства на временные подачки заводчикам. На долго ли, однако, всего этого хватит?

ИЗ ПАРТИИ

АГИТАЦИЯ СРЕДИ НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ.

Почин в распространении соц.-дем. агитации на учительскую среду взял на себя наш Нижегородский Комитет, агитационная деятельность которого вообще отличается чрезвычайной разносторонностью (в нашем распоряжении имеются его листки к фабричным и заводским рабочим, к ремесленникам, к крестьянам, к офицерам, к солдатам и т. д.). Приводим полностью изданную им в июне этого года прокламацию к учителям, надеясь, что другие Комитеты воспользуются ею для того, чтобы, с своей стороны, обратиться к этому важному слою общества.

К НАРОДНЫМ УЧИТЕЛЯМ И УЧИТЕЛЬНИЦАМ.

Нижегородскому Комитету еще впервые приходится обращаться с воззванием к вам, народные учителя и учительницы. Он делает это с глубокой верой в то, что в настоящий момент такое обращение слишком своевременно, чтобы его можно было откладывать еще, и что в вас, народных учителей, он найдет друзей и единомышленников.

Господа, та конечная и те ближайшие цели, за которые борется русская социал-демократическая рабочая партия, не могут и не должны быть чужды вам. Русские социал-демократы, как и соц.-демократы всего мира, ставят перед собой, как конечную цель, торжество социалистического строя и, как ближайшее и в то же время единственное средство к достижению конечной — политическую свободу, самодержавие русского народа. Русские соц.-демократы, как и соц.-демократы всего мира, борются и будут бороться за права, свободу и счастье всего обездоленного пролетариата, будь то пролетариат фабрично-заводский, сельский, торговый или интеллигентный. Вы — такие же пролетарии, как и те рабочие или крестьяне, сыновей которых вы учите, вы — родные братья их, ваши интересы и их интересы одинаковы и нераздельны. Вот почему торжество социалистических начал должно в то же время быть и вашим торжеством. Интеллигентные пролетарии, — вы не можете не сочувствовать уничтожению частной собственности и передаче земли и всех орудий производства в руки всего общества, которые должны смести с лица земли, с одной стороны, нищету, голод и унижение, с другой стороны, праздное тунеядство и наглое измысливание над человеческой личностью, которые должны создать общество равных в правах и обязанностях тружеников. Вы не можете не сочувствовать такому общественному строю, при котором только и возможно главенство духовного начала над материальным и полное развитие духовной стороны человеческой природы.

Но к этому строю ведет сознательная политическая деятельность, которая возможна лишь при конституционной форме правления. И до тех пор, пока в России не будет политической свободы, вы, как и весь русский пролетариат, будете рабами не только капиталистического строя, но и самодержавного правительства. Ниспроверже-

ние самодержавия — вот первая, насущнейшая задача русского пролетариата, а потому и ваша.

Получая 20—25 руб. в месяц, а иногда и того менее, вы, особенно семейные из вас, должны владеть полуголодное существование. То самое правительство, которое сотни миллионов рублей бросает каждый год на армию, флот, полицию, явную и тайную, тратит на народное просвещение жалкие и ничтожные до смешного крохи. Обирая население при помощи тяжелых налогов, стесняя земскую и крестьянскую самостоятельность и устанавливая трехпроцентную норму для земского обложения, оно тем самым подрывает ваше материальное благополучие. Когда же вы хотите помочь своей нужде организацией общества взаимопомощи, оно уже заранее подозрительно смотрит на ваше намерение, и деятельность ваших обществ подвергается полицейским стеснениям. Оно запрещает столь необходимое для успеха дела объединение обществ взаимопомощи, запрещает съезды их представителей и вообще учительские съезды.

Вы, земские учителя, только по имени являетесь земскими, ибо в действительности правительственные чиновники владеют правом казнить и миловать вас. Вы окружены плотным кольцом всевозможных инспекторов и директоров, которые играют по отношению к вам роль явных шпионов. Они следят за направлением вашей педагогической деятельности, а, кстати, и за вашей личной жизнью, за вашими личными убеждениями, симпатиями и антипатиями. Вы в буквальном смысле слова принуждены плясать по их дудке, ибо с переменой начальства вы обязаны менять ваши педагогические приемы. Вам запрещают собираться друг у друга (недавний случай в Твер. губ.), следят за чтением вами книг, за вашей перепиской. Но правительство не только смотрит на вас, как на несовершеннолетних граждан, а на себя, как на вашего опекуна: при помощи своей опеки оно хочет сделать вас орудием своей противонародной, эксплуататорской политики. Стоя у источника знания, вы, по его плану, должны играть позорную и преступную роль развратителей народного сознания: оно требует от вас, чтобы вы давали народу то, что нужно ему, правительству, а не то, что нужно самому народу; оно требует от вас, чтобы вы скрывали от народа истинные источники знания и просвещения и воспитывали его в духе покорности и тупого послушания самодержавной короне. Однако, для этой цели одних явных шпионов оказывается недостаточно. И вот за вами имеют еще неуспынный надзор чиновники «других ведомств»: урядники, становые, земские начальники, попы-доносители и прочие добровольцы. Вас, учителей и учителей, весь этот сброд ставит ни во что и считает долгом подвергать вас всяческому унижению и оскорблению. Иногда сторож вашей школы играет большую роль, чем вы сами. Созданная для вас правительством обстановка скίζεται и на отношении к вам частных лиц — разных деревенских богатеев и соседних диких помещиков. Ваше положение, поистине, является бесправным и тяжелым.

Как народным учителям, вам дорого дело народного просвещения. Между тем, это дело ежедневно и ежечасно распирает и казнит русское правительство. Специальные цензуры для народных и школьных библиотек и читален, а также для ваших учительских, нелепый надзор за народными чтениями, требование разрешений по начальству во всяком пустяке и мелочи, наконец, предпочтение, оказываемое правительством церковной школе, — все это создано и существует затем именно, чтобы истинное знание не могло как-нибудь проникнуть в народную среду через ваше посредство. И нет сомнения, что, удайся только правительству уничтожить земство, оно уничтожит и вас вместе с ним.

Итак, вывод из сказанного ясен: и духовные и материальные условия вашей жизни могут измениться к лучшему тогда, и только тогда, когда падет довлеющее себе самодержавие русского правительства. С его падением падут с народа и те путы, которые истощают его материально и препятствуют ему насытить свой духовный голод. Да, рабочие и крестьянские слои русского общества уже давно просят духовной пищи, и, освобожденные от правительственной опеки, они сумеют обставить ваше существование благоприятно и с материальной и с нравственной стороны. Нравственное и материальное благополучие низших слоев

русского народа есть в то же время и ваше благополучие.

Но мы призываем вас на борьбу с правительством не только ради ваших собственных интересов. Поступать так — значило бы слишком низко оценивать вас. Мы зовем вас под красные социал-демократические знамена во имя интересов всего русского пролетариата, промышленного и сельского, во имя всего угнетенного русского народа. Жадная свора царствующих, правительствующих, карающих и пресекающих усердно работает на благо свое и благо крупных собственников. Рабочие и крестьяне в поте лица трудятся на капиталистов, дворян и правительство; с них же это последнее собирает обильные денежные суммы в виде всевозможных налогов и, ничего не возвращая им обратно, тратит все на себя и буржуазию. Для крестьян же и рабочих оно держит многочисленные тюрьмы и суды, которые осуждают людей низкого звания и оправдывают людей «сверху» (высочайшие помилования проворовавшихся чиновников и офицеров; Мамонтов и проч.). Такова современная система, несомненно, стройная и цельная, рассчитанная на самую удобную и беззащитную эксплуатацию трудящихся классов общества.

Но всему бывает конец. Приходит конец и этой стройной системе, ибо она сама пожирает себя. Ограбленное крестьянское население обнищало в настоящее время в такой степени, что голод стал обычным фактом деревенской жизни. Этот голод — повторением — вызван не климатическими, но социальными условиями, и даже длинный ряд хороших урожаев не мог бы восстановить надорванных сил деревни. Но голод деревни ведет к кризису в обрабатывающей промышленности, ибо крестьянину не на что покупать товаров. Промышленный же кризис ведет и к голоду фабрично-заводских рабочих. С другой стороны, привыкшие к запретительным пошлинам, русские фабриканты совершенно не в состоянии бороться с промышленным застоєм. И вот правительство старается помочь им, торопливо захватывая восточные рынки. Но эти захваты с оружием в руках ведут к огромным расходам, а между тем, обнищавшее население отказывается уже платить подати, и недоимки все растут. Так правительство быстрыми шагами приближается к краху. Современное положение дел в России в сильной степени напоминает предреволюционное время в Западной Европе.

Неспособное ничему помочь и никого удовлетворить, русское правительство начинает вызывать уже недовольство самой промышленной буржуазии. С недовольством помещиков ему приходится считаться давно, ибо уже давно господствующим положением считается буржуазия. В настоящее время земская оппозиция, несомненно, растет (выступление дворянских собраний в защиту земств, земский районный съезд). О недовольстве интеллигенции (студенческие беспорядки), о борьбе рабочих распространяться не приходится. Только деревня — казалось — остается спокойною. Но события, имевшие место в Полтавской и Харьковской губ. прошлой весной, показали, что среди крестьян существует глухое недовольство и что оно уже прорывается наружу.

Вовлечение же деревни в революционную борьбу имеет огромное значение для успеха всего революционного дела. Оно должно разбить силы правительства и потому в конец обессилить его. В Полтавской и Харьковской губ. волновались всего лишь два уезда, и, однако, для умирения их пришлось послать почти все войска из Харькова и Полтавы. Отсюда видно, какую огромную роль должно сыграть восстание крестьян в момент решительной битвы с правительством. Благодаря этому восстанию, городу не трудно будет захватить правительственную власть в свои руки.

Но если деревня должна принять участие в революционной борьбе, то возникает вопрос, в какую форму должна вылиться эта борьба и выработалась ли уже эта форма. Полтавские и харьковские крестьяне забирали себе помещичий хлеб и помещичью землю присоединяли к своей. Иначе — их борьба носила экономический характер, а не была направлена против правительства. Мы склонны поставить ее рядом со стихийным движением фабричных рабочих, с так называемыми фабричными погромами. Но как рабочее движение очень быстро достигло высшей формы — стачечной борьбы, точно так же и крестьянское

движение, поскольку иметь в виду экономическую борьбу, можно и должно направить в эту сторону: в сторону стачек за повышение заработной платы, за понижение арендных цен и пр. Но гораздо важнее для крестьянского движения выработать форму политической борьбы. Рабочее движение уже выработало ее: это демонстрации и в конце — вооруженное восстание. Для крестьянского движения также не трудно указать соответствующую форму: это отказ всей деревни, волостью или более крупной единицей от уплаты государственных податей. Такой отказ будет самым непосредственным и самым ощутительным образом бить по правительству. Он окончательно подорвет его силы, поставит его в безвыходное положение, заставит его растеряться, ибо, повторяем, государственная касса находится и без того в печальном состоянии. Если же правительство вздумало бы поправить свои дела обложением промышленной буржуазии, оно тотчас вызовет взрыв недовольства среди нее, как вызвало в Москве ее недовольство заигрывание с рабочими.

Господа! Вы вынуждены жить в деревне, и потому Нижегородский Комитет считает своим долгом обратиться к вам. Вы можете быть истинными просветителями, истинными учителями народа. Ежедневно соприкасаясь с ним, вы можете сеять в его среде мысль о политической борьбе и о формах ее. Вы можете распространять в деревне нелегальную литературу, столь необходимую для выработки единства действий и сознания в крестьянской массе. Через ваше посредство может создаться живая связь между отдельными районами губернии. Вы можете руководить крестьянами в их повседневных столкновениях с местной администрацией и местными кулаками и помещиками. Вы можете, наконец, собирать богатый материал экономического и юридического характера для агитации на почве местных интересов — опыты такой агитации уже были сделаны Нижегородским Комитетом. Вынужденный до настоящего времени, в силу недостатка сил и средств, сосредоточиваться на агитации среди городского пролетариата, Комитет приложит теперь все старания к тому, чтобы развить широкую агитацию также в деревне. И, приступая к ней, мы еще раз обращаемся с призывом к вашему содействию и к вашей помощи. Мы убеждены, что при желании всегда будут найдены пути для обращения к нашему Комитету.

Кончая свое обращение к вам, мы повторяем еще раз: во имя собственного блага и блага того народа, делу просвещения которого вы хотели бы служить, становитесь под знамена международной социал-демократии, ибо, повторяем, — вы пролетарии. Предоставьте либералам всех оттенков, от умеренных до крайних, накладывать заплаты на рубище современного общественного строя, предоставьте им филантропию и скромную культурническую деятельность. Ваш же долг не просто бороться с правительством, но бороться в рядах социал-демократии, и мы выражаем глубокую уверенность в том, что мы найдем в вас наших друзей, единомышленников и помощников.

Июнь 1902 года.

Нижегородский Комитет Росс. Соц.-Демократ. Раб. Партии.

Ив.-Вознесенск. Весной привлекалось по делу местного Комитета Р.С.-Д.Р.П. 57 чел., в том числе нелег. Ник. Ник. Панин. Найдена литература; на допросах некоторые рабочие «болтали», особенно некрасиво вели себя рабочие из Питера, Фед. Семенухин и Ив. Коротков, привлекавшиеся в 1901 году в Ярославле. — они, мало того, что рассказали все, что им было известно о деле, но угрожали, ссылаясь на свой прошлый опыт, еще и других давать показания, — тогда, дескать, скорее выпустят, и некоторых им удалось убедить. Предлагаем товарищам прервать с Семенухиным и Коротковым всякие сношения, тем более, что против Семенухина имеется еще более тяжелое обвинение, но опубликовать его не считаем возможным до получения некоторых справок и подтверждений. В связи с ив.-вознесенскими арестами находится и арест Доливо-Добровольского в Оренбурге, сосланного туда в 1901 г. по ярославскому делу; в мае Д.-Добровольский и Панин, первый из Владимира, второй из Покрова (Владим. губ.), пере-

везены в Москву и присоединены к делу Сев. Раб. Союза. Во Владимире по этому же делу 24 апр. арестованы: статистики Панкратов, Дубровский, Багаев, земские служащие Александров, Перегар, Афиногенов — фельдш., Черный — агроном. Был обыск у члена земской управы Смирнова (?). Все семеро арестованных через неделю перевезены в Москву; из них четверо последних сравнительно скоро освобождены. Дубровский вслед за обыском на допросе заявил, что нелегальную литературу («Искру», большое количество экз.) получил от Багаева; об этом своем показании он сейчас же сообщил и Багаеву, объясняя его желанием выгородить третье лицо. Какая наивность!

Пора бы не только революционерам, но и широким слоям оппозиционной публики, часто теперь попадающей в тюрьмы, усвоить себе ту азбучную истину, что при современном застеночном ведении следствия по политическим делам давать какие-либо показания значит играть на руку жандармам; в лучшем случае, если никого прямо не подведешь, все же даешь лишний материал для подтасовок гг. следователям-сыщикам. Полный отказ от показаний должен стать основным правилом для каждого политического арестанта. Этот принцип входит уже в нашу практику, чем дальше, тем полнее. Из лиц, привлеченных по делу Сев. Раб. Союза, очень многие принципиально отказались дать какие бы то ни было показания (некоторые отказались даже ездить на допросы), что поставило жандармерию в затруднительное положение. Всего арестовано было по этому делу в разных городах чел. 60, все они были сvezены в Москву. Дело создано провокатором, у большинства арестованных ничего не найдено. Следовательно, жандармский ротмистр Герарди, и тов. прокурора Поляков, оба порядочные мерзавцы, пустили в ход судейкинский маневр деморализации арестованных. С чисто жандармским бесстыдством они упорно каждому допрашиваемому в той или иной форме предлагали выдачу товарищей, уверяя, что остальные дают показания: «нам все уже известно, о ваших же показаниях никто не узнает». Этими честными представителями русского правительства были пущены в ход и угрозы (многолетним содержанием в одиночке) и заманчивые обещания немедленной свободы с предоставлением возможности жить где угодно, даже в Москве. Предлагали и деньги... Коса нашла на камень. Возмущенные наглой гнусностью Герарди, северяне в середине июля объявили голодовку; первым пунктом их требований являлось ограждение политических от подобного обращения при допросах, затем требовалось ускорение следствия (почти три месяца держали без допросов) и смягчение драконовских порядков Таганки — лучшего обращения со стороны тюремной администрации (преследования за разговоры приводили ежедневно к резким стычкам). Через пять дней явился тов. прокурора и обещал исполнить все требования: следствие кончится через шесть месяцев, Герарди «исправится», за разговоры не будут преследовать. Действительно, обращение в жандармском управлении изменилось к лучшему, тюремная «прижимка обмякла», Герарди был переведен вовсе из Москвы, а ведение следствия передано полковнику Бобчинскому, знакомому, вероятно, нашим киевским товарищам. Скоропалительный перевод Герарди вызван был, как выяснилось затем из разговоров в жандармском управлении, рядом жалоб прокурору Моск. Суд. Палаты на Герарди, где перечислялись все приемы его воздействия на обвиняемых для получения показаний, подтверждающих все провокаторские басни. Стойкий, последовательный отказ от показаний привел к тому, что следовательно признавался многим, что у них улики нет, и буквально просил давать какие-нибудь показания: «ну, что для вас выгодно, а на другие вопросы не отвечайте»; но и на эту удочку он не поймал северян; если бы все привлекавшиеся, в общем державшие себя на допросах хорошо, совершенно отказались от показаний, это обескуражило бы жандармов и вырвало бы из-под них и ту колеблющуюся почву, на которой они стояли.

Товарищи! Всегда и все без исключения отказывайтесь от показаний. Пусть, кроме шпионских свидетельств, у них не будет ни слова. Такой тактикой мы заставим их перейти к судебному разбирательству политических процессов.

(А. Любимов-«Марк»).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В московских тюрьмах сидят из арестованных по делу Северного Союза: учит. Ольга Варенцова, статистики Алек. Локтин, Ольга Дидрихиль, Новицкая, оконч. курс лесн. инст. Евгений Дюбюк, рабочий Глазунов, студ. лица Кедров, нелегальный (взят с подложн. пасп.) Заракович — все из Ярославля; затем: стат. Ал. Заварин, семинарист Вас. Заварин, рабочие Дм. Катков, Ив. Александров и Морозов, служащая в статистике Софья Загайная и нелегальный Григорий Вейсман («Александр Порфирыч») — все из Костромы; статис. Вал. Рудковский — из Воронежа; раб. Мих. Багаев и агроном Дубровинский — из Владимира; нелегальный (рабочий) Ник. Панин — из Иваново-Вознесенска; раб. Яшин из Харькова; врач Федор Гурвич (нелег.), взятый в Москве на вокзале, и Таганов, арестованный на границе.

В ночь на 1 ноября над Саратовым разразилась жандармская гроза — сразу произведено около 100 обысков и арест. 34 чел. и, кроме них в уезде, Николаевский Городок, 17 чел. В Саратове арестованы: из земской статист.: Серебряков, старш. пом. зав., Россов, пом. зав., Норбеков, статист., Обухов, статист., Рыков. вр. служ., б. студ., Сорокин, вр. служ., ветер. врач; из городск. упр. Буланов, столон. гор. управы Оболдуев, гор. вет. вр.; из жел. дор. упр.: Попова, Шиллеров, Васильев; ученицы фельдш. шк.: Сдобнова, Устюгова (бывшая Фейдина) с ребенком, Костылецкая. Затем арест.: Корнилов пом. пр. пов. и б. зав. ред. «Сар. Дн.», Старынкевич и его жена, Мартыновский — бывш. карийцы, вернувшиеся из Сиб. в начале лета, Полянский, б. гимн. Мокруев, Огнев, Минович, Горелин, Морозов, Потапов, Гусев, Максимов, Карев, Иванов, Рейтлинг, рабочие. Арест. и освоб.: домовлад. Софинский и акуш. учен. Кирьякова. В Никол. Гор.: из Маринск. земледельч. уч. механ. Григорьев, кузнец Шнейдер, служ. Столяров, И. 10 уч. (Кузнецов, Пискарев, Ткаченко и др.) и четыре крестьянина.

Тула. За последнее время арестован рабоч. Кислов (сидит), раб. Синявин (выпущен), Дронов (военн. окруж. мастер, в сумасшедшем доме). Кроме того, сидит Иваницкая, с 21 апр., всего человек 7—8. Харьков. 6 ноября в Харькове арестован Владимир Цедербаум, а несколько дней раньше Доброхотов с товарищем, жившим с ним на одной квартире — фамилия неизвестна. Самара. 15 и 16 окт. в Самаре было 20 обысков. Арестованы железнодорожный служащий Зиссер, два бывших статистика Акромовский и Евтимович, какой-то гимназист и семинарист, земский техник. Были обыски в аптеке Волянского, кто-то взят, в табачном магазине Габай, у управского служащего Иванова, железнодорожного служащего Барыбина и др. Обыски захватили и уезд: оттуда жандармы привезли одну земск. учительн. Псков. Арестован стат. Лепешинский, было много обысков. С.-Петербург. Было много обысков. Арестован врач Краснуха, служившая у него фельдшерица, фельдш. Кожевникова и др. Нижний-Новгород, 10 октября. В тюрьме на-днях была голодовка. Голодали мужчины 6 дней из-за того, что посадили в карцер одного сормовского рабочего. Голодовка удалась вполне. Пермь. Во второй половине августа все политические, арестованные в феврале, марте и августе этого года, были выпущены. (Фамилии их: Ставровский, Владимирский, Ягодниковы, супр., Трапезников, Рутман, Каменев, Еленев и Матвеев, остальные были выпущены раньше). Все поименованные лица оставлены до приговора в Перми. Дело их передано в Казанскую Судебную Палату. 12 сентября были произведены новые обыски. Обысканы служащие Губернской Управы: Вошева (бывш. лесгафт.), Крысин (бывш. медик), Дубровинский и Житксова (слуш. жен. мед. инст.), при чем

Жидкова и Дубровинский 2 раза; Крысин арестован. Ровно через неделю, 19 сентября, был снова произведен обыск у Дубровинского. При обыске опять ничего не найдено, но Дубровинский арестован. Обыск произведен был в отсутствие последнего, и домой он пущен не был, а прямо из Управы увезен сначала в жандармское управление, а потом в тюрьму. 3 ноября был произведен обыск у учителя Очерского завода (Оханск. у.) Высотина и у волостного писаря из того же завода Пашихина. При обыске, говорят, ничего не нашли, но Высотин арестован и привезен в Пермскую тюрьму. Псаломщик Рясасов, арестованн. в Красноуфимском уезде 20 июля, теперь выпущен. Агроном Мальцев, арест. в том же уезде 17 авг., сидит. Из крестьян тоже никто не выпущен. Недавно в Красноуф. уезде были произведены 2 обыска.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Другу. № 1 не знаем, дело поручено Моск. Комитету.

М.У.Р. из Сибири. Зашифрованное письмо и шифр получили, но до сих пор не могли прочесть, так как никак не можем достать указанной книги. Кроме первого, получены еще два письма. Спасибо за присланное.

Эдуарду Шмидту. План и статья не получены, наше письмо, посланное по новому адресу, вероятно, пропало. Повторите еще раз адрес.

Иркутская г. В-л-к-н. Воспользуемся. Благодарим. Пишите.

1900. Сообщите адрес для писем вам, нельзя ответить в двух словах.

Флор из О. Корреспонденция получена. Не помещаем ее потому, что в ней рассказ останавливается на конце октября, а в других подпольных изданиях есть уже известия о дальнейших событиях. Но когда вы пришлете обещанное «полное изложение», мы им воспользуемся для тех «комментарий», о желательности котор. говорили вам участники истории.

Комитет Сев. Союза горячо благодарит товарищей, оказавших ему в тяжелые минуты существенную материальную помощь в размере 1.000 руб. Также доводит до их сведения, что, согласно их желанию, другая тысяча передана в редакцию «Искры». Извиняемся за позднее уведомление.

Получено: От С.Д.Г.В. 10 р., Ж.Ж.Ж. 150 р., от Скидки 20 р., от одного из сиб. ком. 30 р., от брянского ком. на организац. дела «Искры» 250 р., чер. Сев. Союз от Гр. В. 1000 р., от Гр. В. 25 р., от Е. А. 100 фр., из Лиежа 117,55 фр., из Брюсселя 10 ф., из Женевы: за лит. 56,85 ф. и чер. Шура из Вильно 25 р.; из Нью-Йорка: от местной гр. 25 долл., в пользу бежавших из киевской тюрьмы 10 долл.; из Берна 200 ф., за лит. в Лондоне 23 шилл., из Цюриха: с реф. в К. 13,90 мар., из Л. с веч. у К. С. для Красн. Кр. 30 ф. От московского представителя старый долг 100 р., за чтение «Искры» 25 р., от студентов 18 руб. Спб.: через Георгину 58 руб., через Тону 12 руб., через Жана 10 руб., через Певуна 7 руб., от Саши 15 руб.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Весь этот материал был выпущен редакцией «Искры» отдельным оттиском.

Прим. 2. «Гражданин» (ред. — князь Мещерский) и «Московские Ведомости» (ред. — Грингмут) — газеты ярко-реакционного направления.

Прим. 3. Суворин, А. С. — с 1876 г. один из владельцев и фактический редактор газеты «Новое Время», известной своим угодничеством перед правящей бюрократией и крайним оппортунизмом и беспринципностью («парламент мнений»).

Прим. 4. Неккер — французский политический деятель эпохи Великой Французской Революции, финансист; был назначен на министерский пост Людовиком XVI перед самым началом революции для улучшения финансового положения королевства и пытался рядом реформ спасти королевскую власть, но был вынужден выйти в отставку под давлением аристократических кругов.

Прим. 5. Шарапов, Сергей — реакционный публицист, издававший журналы: «Русское Дело» и «Русский Труд» и издавший несколько брошюр за границей. Защищал интересы фрондирующих аграриев, вывозивших хлеб за границу, и боролся со все возрастающим влиянием промышленной буржуазии, выразителем интересов которых в правительстве в начале 900-х годов был гр. Витте.

Прим. 6. «Великая Хартия Вольностей» — договор, заключенный в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным с восставшими против него феодалами. Эту Хартию, ограничившую власть короля, буржуазные юристы и историки называют «краеугольным камнем английской свободы».

Прим. 7. Аракчеев — правая рука Александра I во вторую половину его царствования, устроил знаменитые «военные поселения», сделав наследственными солдатами несколько сотен тысяч государственных крестьян. Прославился своей жестокостью при подавлении крестьянских и солдатских бунтов.

Прим. 8. Кропоткин, П. А. (1842 — 1928), князь — один из виднейших русских анархистов, ученый географ. В 70-х годах принимал участие в кружке чайковцев, позже был членом общества «Земля и Воля». В 1874 г. Кропоткин был арестован. В 1876 г. ему удалось бежать из-под ареста и эмигрировать в Англию, откуда за пропаганду анархизма он был в 1877 г. выслан и поселился в Женеве, продолжая революционную работу. В 1881 г. был выслан из Швейцарии и переехал во Францию, где вскоре за анархистскую пропаганду был приговорен к 5-летнему тюремному заключению. В 1886 — 1917 гг. жил в Лондоне и занимался научной и литературной работой. Во время мировой войны занял оборонческую позицию. В 1917 г. вернулся в Россию и умер в 1918 г. Автор многих трудов по анархизму («Хлеб и Воля», «Современная наука и анархизм», «Анархия, ее философия и идеал» и пр.), географии, истории и пр.

Прим. 9. Стефанович, Я. В. (1853—1915) — сначала народник-бунтарь, позже член общества «Земля и Воля». В 1877 г. вместе с Дейчем и Бохановским решили использовать крестьянские волнения, происходившие в это время в Чигиринском уезде, Киевской губ., и составили подложный манифест от имени царя («Золотая грамота»), призывавший крестьян к восстанию против помещиков и чиновников, мешавших якобы царю наделить крестьян землей. Стефанович организовал в Чигиринском уезде до 1½ тысяч крестьян. Но вскоре он и его товарищи были арестованы, и их попытка поднять восстание закончилась, таким образом, неудачей. Тем не менее, по свидетельству землевольца Аптекмана, эта попытка, как первый почин построения крестьянской организации, имеющей своей целью восстание, произвела сильное впечатление на очень многих членов «Земли и Воли». Кравчинский в «Народной Воле» заявил, что чигиринскому делу «суждено быть одним из поворотных пунктов в истории русской революции». Но, как известно, это мнение не оправдалось. С другой стороны, уже тогда отмечалось, что в основу агитации Стефановича был положен реакционный принцип, который должен был привести лишь к укреплению престижа царя.

После раскола «Земли и Воли» Ст. перешел к чернопередельцам. В 1881 г. он пытался сблизить их с народовольцами и вошел в Исполнительный Комитет «Народной Воли», но вскоре был арестован и приговорен к 9 годам каторги. Вернувшись из Сибири в 1903 г., он отошел от революционного движения.

Прим. 10. Драгоманов, М. П. (1841—1895) — украинский националист либерального направления. Кончив университет и получив звание приват-доцента, читал в Киевском ун-ве лекции по истории, но был за свои либеральные воззрения лишен права читать лекции. В 1876 г. эмигрировал за границу и стал читать в Женевском университете лекции по всеобщей истории. За границей он примыкал к правому крылу русской эмиграции.

Прим. 11. «Община» — заграничный журнал анархическо-народнического направления, издававшийся в 1878 г. под редакцией П. Аксельрода, Н. Жуковского и З. Ралли (вышло всего 4 номера). Кроме их статей, в журнале печатались статьи В. Чернецова, С. Кравчинского (Степняка), Я. Стефановича, Е. Брешко-Брешковской и др. Последний номер заключает в себе полемику Стефановича с Драгомановым (первый из них отрицательно относился к политической борьбе, второй считал ее необходимой).

Прим. 12. Прокламация принадлежит перу г. С. И. Гусева.

Прим. 13. Большая часть корреспонденций в «Искру» из Ростова н/Д., за период 1901 — 1902 г., написана А. Локерманом.

Прим. 14. Это было первое воззвание Ц. К. Южно-Русской группы, составленное членом первого Ц. К. — С. М. Гурвичем, при участии Вл. и Арт. Плесковых и отпечатанное на гектографе. Центр этой группы находился в Ростове н/Д. и работал под руководством Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П.